

Российская Академия наук
Санкт-Петербургский институт истории

На правах рукописи

БЕНДИН АЛЕКСАНДР ЮРЬЕВИЧ

**ПРОБЛЕМЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(1863-1914 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Санкт-Петербург – 2013

Работа выполнена в ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории
Российской Академии наук»

Научный консультант – *Ананьич Борис Васильевич*, доктор исторических наук, действительный член Российской Академии наук

Официальные оппоненты: *Высочков Леонид Владимирович*
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России с древнейших времен до XX века ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Андреева Наталия Сергеевна, доктор исторических наук, эксперт Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачева

Сафонов Александр Александрович, доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения ФГАОУ ВПО Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ведущая организация – ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена»

Защита диссертации состоится 8 октября 2013 года в 14. 30 на заседании Диссертационного совета Д 002.200.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук на базе Санкт-Петербургском институте истории Российской академии наук (197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7)

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Санкт-Петербургского Института истории РАН (г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7).

Автореферат разослан «___» _____ 2013 г

Ученый секретарь
Диссертационного совета
канд. ист. наук

П.В. Крылов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

В начале 90-х гг. XX в. Россия вступила в период масштабных демократических преобразований. Провозглашенные в Конституции 1993 г. светский характер государства и свобода совести стали принципиальной правовой основой для формирования нового законодательства, которое явилось составной частью государственной конфессиональной политики. Процесс реализации права на свободу совести носил сложный и противоречивый характер, так как практика построения национальной модели государственно-конфессиональных отношений испытывала на себе воздействие глубоких перемен, происходивших в российском обществе¹.

В период, последовавший за распадом СССР, исторически сложившееся религиозное многообразие России усилилось за счет появления многочисленных нетрадиционных конфессий и религиозных групп, что повлекло за собой рост межконфессиональной напряженности. На южных рубежах государство столкнулось с конфликтами, вызванными религиозно мотивированным экстремизмом. Брошенные государству и обществу социальные вызовы обуславливают необходимость создания эффективной правовой базы и проведения научно обоснованной конфессиональной политики.

В этой связи приобретает актуальность изучение исторического опыта взаимоотношений, которые складывались между государством и конфессиями в обществах, исторически отличавшихся религиозно-этническим многообразием. Для нас показательным в этом смысле является пример не столько моноэтнических национальных государств, сколько имперских государственных образований. Толерантное отношение к религиозно-этническим различиям, существовавшим в традиционном обществе, наиболее успешно обеспечивалось при имперском владычестве. Способность поддерживать терпимые отношения между религиозными общинами демонстрировали имперские режимы древности в Персии, Египте времен Птолемеев и Риме.

В новое время различные модели религиозной толерантности существовали в Германской, Австро-Венгерской, Османской и Российской империях. Находившиеся в составе этих империй религиозно-этнические сообщества пользовались определенной автономией и управлялись имперской бюрократией, которая обеспечивала подчинение их центральной власти и мирное сосуществование между собой. Имперские режимы, опиравшиеся на господствующие религии, поддерживали толерантность в отношении многочисленных сообществ иноверцев, сохраняя их религиозно-этническую идентичность². Примером длительной и устойчивой разновидности «имперского толерантного режима» являлась Российская империя.

Для изучения истории веротерпимости в Российской империи представляется продуктивным обращение к периоду второй половины XIX – начала XX в. Эпоха, начало которой положили Великие реформы Александра II, в области государственно-конфессиональных отношений характеризовалась ростом религиозной свободы. Этот процесс был сложным, непоследовательным и про-

¹ Куницын И. А. Правовой статус религиозных объединений в России. М., 2000. С. 84–87, 135.

² Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 6.

тиворечивым. В качестве объекта реформирования выступало законодательство, которое охраняло исключительные привилегии «господствующей» Православной церкви и неравноправие «терпимых» конфессий и религиозных групп. Правовым ориентиром на пути модернизации религиозного законодательства были принципы свободы совести, в направлении которых шло развитие института традиционной российской веротерпимости¹.

На содержание и характер перемен, происходивших в рамках института веротерпимости, особое воздействие оказывали взаимоотношения, которые складывались в этот период между государством, «господствующим» православием и «терпимой» Римско-католической церковью. Указанное воздействие носило амбивалентный характер. Правовое регулирование отношений правительства с Римско-католической церковью испытывало на себе давление различных факторов – политического, этнического и конфессионального. Поэтому правительство, в зависимости от указанных обстоятельств, вынуждено было либо ограничивать, либо расширять действие законов о веротерпимости в отношении католического клира и его паствы².

Ареной наиболее острого противоборства католичества с имперским режимом веротерпимости являлись западные окраины Российской империи. Ни одна из конфессий, из числа традиционно существовавших в Северо-Западном крае, не требовала от правительства столько репрессивных мер, ограничений и административного контроля, сколько Римско-католическая церковь. В этом регионе империи правительство столкнулось с политической враждебностью части католического клира и мирян, различными правонарушениями в области законодательства о веротерпимости и конфессиональным сопротивлением интеграционной политике русификации³.

Внутригосударственные конфликты Римско-католической церкви с правительством и православием получали внешнеполитическое измерение, так как согласно российскому законодательству Римская курия сохраняла, в известных пределах, каноническую власть над католиками Российской империи⁴.

В силу указанных причин взаимоотношения, которые складывались между государством и православием, с одной стороны, и Римско-католической церковью, с другой, стали средоточием проблем региональной веротерпимости. По масштабам противостояния, длительности, сложности и остроте конфликтов и противоречий, в которых конфессиональные мотивации тесно переплетались

¹ Дорская А. А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001; Сафонов А. А. Свобода совести и модернизации вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. Тамбов, 2007; Пинкевич В. К. Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906–1917 гг.). М., 2000.

² Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Мн., 2010.

³ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху великих реформ. М., 2005; Самбук С.М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. Мн., 1980.

⁴ АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д.1. – Л. 23–26; Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века: материалы коллоквиума, состоявшегося в Москве 23–24 июня 1998 г. / Под ред. Е. С. Токаревой, А. В. Юдина. М., 2003.

с политическими и этнокультурными, эти проблемы имели для российского правительства и Православной церкви первостепенное значение.

В то же время взаимоотношения с другими «терпимыми» конфессиями, существовавшими в Северо-Западном крае, носили принципиально иной характер. Религиозное поведение многочисленных иудеев, духовенства и мирян небольших общин протестантов, мусульман и караимов не выходило в основном, за границы, установленные для них законодательством о веротерпимости. С точки зрения прозелитизма они не являлись реальной угрозой и для конфессиональных интересов «господствующей» Православной церкви. Становление этнического самосознания представителей этих религиозных общин не нашло своего выражения в появлении национальных движений, способных представлять политическую опасность для территориальной целостности Российского государства¹.

Религиозные группы старообрядцев и сектантов, в разное время отколовшихся от Православной церкви, до издания указа от 17 апреля 1905 г. являлись объектом правовой дискриминации и находились вне действия института веротерпимости. Несмотря на опыт религиозных гонений, общины старообрядцев-великороссов открыто демонстрировали политическую приверженность российской монархии, с особой силой проявившуюся в событиях 1863 и 1905 гг. Сектанты же, в силу своей малочисленности и аполитичности, не создавали каких-либо серьезных проблем для администрации края и местного православия².

Отмеченные различия в уровне законопослушности, конфликтности и политической лояльности, которые существовали между католичеством и другими конфессиями Северо-Западного края, ставили эту «терпимую» христианскую церковь в особое политическое и правовое положение. В силу указанных причин проблемы региональной веротерпимости, возникавшие во взаимоотношениях государства и православия с Римско-католической церковью, следует рассматривать в качестве *репрезентативных*.

Актуальность темы исследования. Изучение проблематики веротерпимости в качестве особого направления в историографии государственно-конфессиональных отношений в Российской империи представляется актуальным в силу трех взаимосвязанных обстоятельств.

Во-первых, изучение состояния веротерпимости в различных регионах империи позволяет преодолеть односторонний подход, свойственный исследованиям в области конфессиональной или этноконфессиональной политики. Для последних характерна сосредоточенность на изучении управленческих решений правительства и местной администрации в отношении отдельных конфессий и религиозных групп. Объектом исследовательского внимания в таком случае становятся социальные объекты преимущественно *секулярного* характера.

¹ Грыгор'ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатава А. М. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.). Мн., 1998.

² Бендин А. Ю. Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев Северо-Западного края // Вестник РУДН. Серия: История России. 2011. № 1. С. 77–92; Бендин А. Ю. Старообрядцы Северо-Западного края и власть: особенности взаимоотношений (1905–1906 гг.) // Старообрядчество: история, культура, современность: сб. ст. Вып.13. М., 2009. С. 123–128; Яноўская В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863–1914 гг. Мн., 2002.

Но тогда на периферии исследовательского внимания остаются такие важные аспекты государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений, как сфера религиозного права, содержание вероучений, богослужebная практика, миссионерство и местные этнокультурные традиции «господствующего» православия и «терпимых» конфессий. Без привлечения этих религиозных и этнических компонентов мотивы поведения духовенства и мирян одной конфессии во взаимоотношениях с государством и представителями других конфессий не получают адекватного научного осмысления.

Во-вторых, выявление религиозных компонентов позволяет исследовать воздействие конфессиональных механизмов на формирование законопослушности и политической лояльности подданных российской монархии. Вместе с тем в случаях возникновения конфессиональных конфликтов с государством появляется возможность изучения протестных мотиваций в действиях духовенства и мирян, отстаивавших автономию своей конфессии от претензий государственного патернализма. Религиозная составляющая находила свое выражение в проявлениях нетерпимости и религиозного насилия во взаимоотношениях с иноверцами. В этой связи становится актуальным исследование феномена религиозной нетерпимости духовенства и мирян, игравшего важную роль в государственно-конфессиональных и межконфессиональных конфликтах и противоречиях.

Феномен протестного и девиантного поведения, обусловленного религиозной мотивацией, являлся важным показателем состояния веротерпимости в проблемных регионах империи. Анализ этого феномена позволяет историкам выйти за предметные границы, установленные в области изучения конфессиональной политики, и придать исследованиям в области государственно-конфессиональных отношений актуальное дополнительное измерение.

В-третьих, исключительные привилегии Православной церкви, традиционно защищаемые российским государством, вплоть до издания указа от 17 апреля 1905 г., становились постоянным источником дискриминации, правонарушений и практики принуждения религиозной совести старообрядцев и сектантов. «Господствующий» статус русского православия являлся правовым препятствием как для религиозного выбора самих православных, так и для реализации миссионерских интересов «терпимых» конфессий. Для защиты неприкосновенности конфессиональных границ православия светская и церковная администрация использовала силу законов, которые накладывали жесткие ограничения на стремление миссионерствующих конфессий пополнить свои ряды за счет православных¹.

Еще одним источником ограничений, на этот раз административного характера, становились чрезвычайные политические обстоятельства, в частности, польское восстание 1863 г. Привнесение в религиозное служение духовенства политических мотивов и целей, носивших антиправительственный или оппозиционный характер, приводило к угрозе безопасности имперских границ, покушениям на жизнь подданных российского государства и нарушениям общественного порядка. В ответ правительство применяло репрессии, вводило меры по административному ограничению внешних проявлений религиозного культа и установлению административного контроля за назначением, перемещениями и поведением духовенства².

¹ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 8. – Л. 315.

² РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 129. – Л. 11–12.

События, связанные с прозелитизмом, религиозной нетерпимостью, участием духовенства и мирян в антиправительственной или оппозиционной деятельности, не отменяли действия «Основных законов», которые носили абсолютный характер и гарантировали «свободу веры» всем неправославным подданным империи. Однако эти противоправные действия не проходили бесследно ни для правонарушителей, ни для состояния конфессиональной политики империи. Содержание и динамика правонарушений, их рост или падение оказывали влияние на формирование уголовного законодательства в области религиозных преступлений и региональную практику правоприменения законов о веротерпимости.

В этой связи приобретает актуальность исследование взаимосвязей, которые возникали между поведением духовенства и мирян «терпимых» конфессий и практикой государственной регламентации вероисповедных отношений. Изучение этих сложных процессов сквозь призму конфессиональной политики не позволяет в должной мере раскрыть их сложный, многомерный характер, обусловленный отчасти типом экклезиологии, который определял внутреннюю жизнь церкви и ее внешнюю миссию¹.

Для понимания сущности событий и процессов, происходивших в области государственно-конфессиональных отношений, требуются новые исследовательские подходы и новые предметные границы, отличающиеся от тех, которые сложились в историографии конфессиональной политики Российской империи. Анализ трех взаимосвязанных факторов свидетельствует о наличии особой проблематики веротерпимости и служит обоснованием ее научной актуальности. Как следствие, возникает необходимость в формировании нового проблемного поля исследования, для которого характерны своя методология, понятийный аппарат, концептуальные подходы и эмпирические данные.

В этой связи следует обратить внимание на еще один фактор, подтверждающий актуальность избранной темы диссертационного исследования. Отмеченное выше сочетание *внешних* «правил» имперской веротерпимости, регламентировавших религиозную жизнь неправославного населения, и *внутренних* тенденций к их нарушению, исходящих со стороны духовенства и мирян «терпимых» конфессий, вызывает необходимость обращения к темам конфессиональной истории России. Однако для исследователя, работающего с проблематикой веротерпимости, подход к сюжетам, характерным для этого историографического направления, также имеет свои особенности. Достаточно отметить, что историки, изучающие прошлое российских конфессий, основное внимание уделяют анализу структур управления, социально-правового положения духовенства, деятельности епархий, приходов и общин, храмовому строительству, религиозному образованию, благотворительности, культовым практикам, вопросам миссии среди иноверцев и т. д.

В результате перед нами предстает история религиозных институтов, действовавших в рамках религиозного законодательства империи, имевших свое устройство, функции и сакральное предназначение. Для нашего же исследования интерес представляют типы экклезиологии и региональные традиции этих институтов, их связь с этнической идентичностью духовенства и паствы,

¹ Эверетт У. Д. Права человека в церкви // Права человека и религия: хрестоматия / сост. и науч. ред. игумен Вениамин Новик. М., 2001. С. 87.

политическая, социальная и миссионерская практика. В этом случае методологически мотивированное обращение к проблематике конфессиональной истории представляется целесообразным. Институциональное измерение изучаемых проблем дает возможность исследователям российской веротерпимости выйти на новый, более глубокий уровень понимания сущности государственно-конфессиональных отношений, характерных для Российской империи во второй половине XIX – начала XX в.

Одновременно происходит формирование проблемного поля исследования, границы которого выстраиваются на стыке двух историографических направлений – истории конфессиональной политики и конфессиональной истории России.

Конкретизируя вышесказанное, следует отметить: изучение проблем веротерпимости, характерных для Северо-Западного края Российской империи в 1863–1914 гг., является актуальным с научной точки зрения. Это позволяет, во-первых, выявить область конфликтов и противоречий, характеризующих состояние региональных государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений. Во-вторых, раскрыть роль конфессиональных традиций, определявших отношение духовенства и верующих двух соперничавших церквей – Православной и Римско-католической – к государству и друг к другу. В-третьих, показать, как региональные проблемы веротерпимости оказывали воздействие на реформирование российского религиозного законодательства и влияли на принятие мер по бюрократической адаптации новых законов к особым конфессионально-этническим условиям Северо-Западного края.

Степень научной разработанности проблемы. К началу XXI в. исследователи все еще не располагают значительным количеством литературы, посвященной изучению отношений веротерпимости, которые существовали в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. Отсутствие развитой историографической традиции общероссийского и регионального характера было вызвано кардинальными переменами, происходившими в общественно-политическом строе Российского государства.

Изучение истории отношений государства и Православной церкви с «инославными и иноверными исповеданиями» началось в императорской России¹. В этой области работали не только историки церкви, но и специалисты в области церковного и светского права, которые изучали государственно-церковные отношения, правовой статус православия и «терпимых» конфессий, политико-правовые аспекты деятельности института веротерпимости².

¹ *Кипарисов В.* О свободе совести. Опыт исследования вопроса в области истории церкви и государства с I по IX вв. М., 1883; *Толстой Д. А.* Римский католицизм в России. Т.1, 2. СПб., 1876–1877; *Цветаев Д. В.* Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890; *Красножен М.* Иноверцы на Руси. Т. 1: Положение неправославных христиан в России. Юрьев, 1900.

² *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. – 3-е изд., перераб. Т. 1. СПб, 1899; *Суворов Н.* Учебник церковного права. Ярославль, 1898; *Кузнецов Н. Д.* Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. Ярославль, 1898; *Бердников И. С.* Краткий курс церковного права. Казань, 1888; *Рейснер М. А.* Государство и верующая личность: сб. ст. СПб., 1905; *Арсеньев К. К.* Свобода совести и веротерпимость: сб. ст. СПб., 1905.

Некоторые положения и выводы из работ этих авторов до сих пор не утратили своей научной значимости, заложив теоретико-методологическую и эмпирическую основу для современных исследований в области истории государства и права России и церковного права.

Изучение истории «терпимых» конфессий и опыта государственного регулирования их деятельности конкретизировалось и дополнялось исследованиями в области региональной проблематики. Внимание историков привлекал Северо-Западный край Российской империи, политическую и религиозно-этническую специфику которого определяло в первую очередь православно-католическое и связанное с ним русско-польское соперничество. Православные исследователи западнорусского направления рассматривали события политической и церковной истории края сквозь призму конфессионального и этнического противостояния. Поэтому объектами изучения стали конфессиональная политика правительства, отношения между православием и католичеством, религиозные и этнические конфликты, нарушения религиозного законодательства, проявления терпимости и нетерпимости между верующими двух ведущих христианских церквей.

В результате в дореволюционной западнорусской историографии начали формироваться представления о проблемах региональной веротерпимости, характерных для Северо-Западного края Российской империи. На этом этапе исследований полученные выводы не отличались полнотой и объективностью. Сказывалась неразвитость методологии и ограниченность документальной базы. Большинству авторов, являвшихся иногда непосредственными участниками событий, было свойственно предвзятое отношение к католичеству и польским этническим интересам. Указанные факторы, взятые в совокупности, ограничивали возможности беспристрастного изучения сложных, многофакторных проблем и противоречий, которые превращали Северо-Западный край в нестабильный регион империи¹.

В советской историографии изучение отношений веротерпимости в Российской империи не получило дальнейшего развития. Исследования в области конфессиональной истории и связанные с ней проблемы веротерпимости и ре-

¹ *Коялович М. О.* Лекции по истории Западной России. СПб., 1864; *Ратч В. Ф.* Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-Западных губерниях России. Т. 1–2. Вильна, 1867–1868; *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890; *Извеков Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. М., 1889; *Миловидов А. И.* Меры, принятые графом М. Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае. Вильна, 1900; *Его же.* Распоряжения и переписка графа М. Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае. Вильна, 1910; *Его же.* Исторические основы латинско-польской политики в Северо-Западном крае. Вильна, 1901; *Его же.* Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900; *Киприанович Г. Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Мн., 2006; *Орловский Е. Ф.* Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX в. (1794–1890). Гродно, 1903; *Владимиров А. П.* История располячения Западно-Русского костела. М., 1896.

формирования религиозного законодательства оказались на периферии научного интереса советских авторов. Расширение документальной базы немногих появившихся исследований не привело к углублению научного понимания указанной проблематики. Методологические подходы историков к изучению роли религии, государственно-церковных отношений, религиозно-правовых и религиозно-этнических проблем российского общества основывались на марксистско-ленинской идеологии. Поэтому содержание и выводы созданных в это время исторических трудов носили зачастую тенденциозный характер¹.

Несколько работ по истории православия и католичества, написанных на основе классового подхода и атеистической критики религии, появились и в Советской Белоруссии. Там же были предприняты попытки рассмотреть особенности конфессиональной и этнической политики правительства в контексте мер по обрусению Северо-Западного края².

Однако в силу указанных идейно-политических причин белорусские авторы не могли осуществить необходимую научно-исследовательскую работу по восстановлению преемственности с историографическим наследием западно-русской исторической школы. Научные достижения дореволюционной историографии на долгий срок были преданы забвению. Идеологические интерпретации событий конфессиональной истории и политическая конъюнктурность стали барьером на пути беспристрастного научного анализа сложных религиозно-правовых и религиозно-этнических проблем и противоречий. Поэтому проблематика конфессиональной истории и региональной веротерпимости, которая начала разрабатываться в западно-русской историографии, не получила дальнейшего научного осмысления.

В постсоветский период со стороны историков, правоведов и философов интерес к изучению истории религиозной свободы и веротерпимости в Российской империи заметно вырос. Появились отечественные исследования, в которых главное внимание стало уделяться истории государственно-конфессиональных отношений, конфессиональной политики и реформированию рели-

¹ Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964; Ключков В. В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР. М., 1982; Куров М. Н. Проблема свободы совести в дореволюционной России // Вопросы научного атеизма. Вып. 27. М., 1981; Церковь в истории России (IX в.–1917 г.). Критические очерки. М., 1967; Крывелев И. А. Русская православная церковь в первой четверти XX в. М., 1982; Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.

² Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. – 3-е изд., испр. и доп. Мн., 2011; Никольский Н. М. История Русской церкви. – 3-е изд. М., 1985; Корзун М. С. Русская Православная церковь на службе эксплуататорских классов. Мн., 1984; Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Мн., 1980; Мараш Я. Н. Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии Католической церкви. Мн., 1869; Его же. Католическая церковь в истории Белоруссии. Мн., 1981; Гапановіч В. Ф., Царанкоў Л. А. Учарашні і сёняшні дзень Уніяцкай царквы. Мн., 1985; Католицизм в Белоруссии: традиции и приспособление. / Под ред. А. С. Майхровича, Е. С. Прокошиной. Мн., 1987.

гиозного законодательства¹. Выросло число работ, посвященных изучению конфессиональной истории и правового статуса «терпимых» христианских конфессий в России, включая их региональную специфику и институциональное разнообразие².

Начался процесс преодоления не только идеологической тенденциозности, которая была характерна для работ советского периода, но и конфессионально-этнической ангажированности, которая была свойственна дореволюционной западнорусской историографии. Возможность выбора новых ракурсов, интерпретаций и направлений научной работы позволила создавать объемные, многоплановые исследования, включающие «человеческое измерение» истории. Возросшее внимание к исторической антропологии потребовало выявления мотивов поведения, ценностных и религиозных предпочтений лиц, действовавших в условиях российской веротерпимости.

Перемены, происшедшие в методологии исторических исследований, оказали позитивное воздействие на содержание изучаемой проблематики. Исследовательский интерес стали вызывать события и процессы, которые свидетельствовали о кризисных явлениях, характерных для государственно-конфессиональных отношений в Российской империи. Однако проблематика веротерпимости, все еще находящаяся в стадии становления, оказалась рассредоточенной не только по смежным с историей дисциплинам (история государства и права, философская антропология), но и по различным историографическим направлениям. Отдельные сюжеты, связанные с правовыми, институциональ-

¹ *Пинкевич В. К.* Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906–1917 гг.). М., 2000; *Дорская А. А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001; *Образцова М. Н.* Государственно-церковные отношения в модернизационном процессе в России начала XX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Сафонов А. А.* Свобода совести и модернизации вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. Тамбов, 2007; *Михайлова Н.В., Шингарева Н.В.* Разработка и реализация законодательства о веротерпимости и свободе совести (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). М., 2008; *Лукьянов С. А.* Принцип веротерпимости во внутренней политике дореволюционной России и роль Министерства внутренних дел в обеспечении государственно-правовых основ его осуществления : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009; *Романовская Л. Р.* Иноверцы в Российской империи (историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2006; *Арцыбашев И. Г.* Ценностное содержание религиозной толерантности и веротерпимости: российский опыт : дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург. 2008.

² *Задворный В. Л., Юдин А.* История Католической церкви в России. М., 1995; *Курило О.В.* Лютеране в России (XVI–XX вв.). М., 2002; *Лиценбергер О. А.* Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001; *Дремлюг А. И.* Эволюция католицизма на Северо-Западе России : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2000; *Маракушина Е. В.* Католические монашеские миссии на Северо-Западе России : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2007; *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. – 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008; *Потапова Н. В.* Вероисповедная политика Российской империи и религиозная жизнь Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Сахалина). Южно-Сахалинск, 2009.

ными и функциональными аспектами российской веротерпимости, начали рассматриваться в работах, предметом исследования которых является конфессиональная или этноконфессиональная политика Российской империи¹.

В этой связи вызывает интерес работа Ю. С. Белова². Автор предпринял попытку рассмотреть основные направления конфессиональной политики правительства по отношению к неправославным конфессиям, общинам старообрядцев и сектантов в контексте правоприменения указа от 17 апреля 1905 г. В диссертации показаны правовые и социальные перемены, произошедшие в положении Римско-католической церкви в России в 1905–1917 гг. Автор исследует практику переходов из православия в католичество в губерниях Царства Польского, давая объективные оценки причинам отпадений от «господствующей» церкви. Заслуживает внимания анализ политики сдерживания католичества в рамках указа о веротерпимости, которая осуществлялась с помощью циркулярных распоряжений МВД.

Как показывает опыт, процесс формирования всестороннего, научно достоверного знания о состоянии веротерпимости в Российской империи может быть успешным при условии изучения конфессиональной политики, проводимой правительством в регионах.

Исследованию этноконфессиональной политики в Литве и Белоруссии посвящена монография М. Д. Долбилова³. Автор утверждает, что в отношении духовенства и мирян Римско-католической церкви российская администрация руководствовалась не рациональными расчетами, призванными обеспечить целостность государства и безопасность его лояльных подданных, а преимущественно фобиями, предрассудками и сложившимися стереотипами. Однако иная, непредвзятая интерпретация источников позволяет сделать вывод о том, что чрезвычайные решения, предпринятые в отношении местного католичества – активного участника восстания 1863 г., – имели вполне рациональную и прагматическую основу. Репрессивные и ограничительные меры правительства можно рассматривать как симметричный ответ на вооруженный политический вызов, который был брошен Российской империи частью католического клира и его паствы. В конечном итоге большая исследовательская работа, проделанная этим автором, не привнесла искомой глубины в научное понимание событий и процессов, происходивших в Северо-Западном крае в период правления Александра II. Негативное отношение к имперской этноконфессиональной по-

¹ Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917. Кн. восьмая. Ч. 2. М., 1997; Римский С.В. Православная церковь и государство в XIX веке / Ростов н/Д, 1998; Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002; Белов Ю. С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999; Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. Долбилов М., Сталюнас Д. Обратная уния. Из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи. 1840–1873. Вильнюс, 2010. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

² Белов Ю. С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1917 гг. ... СПб., 1999.

³ Долбилов М. Русский край, чужая вера ... С. 227–366.

литике уже демонстрировала советская, польская и белорусская историография. Новый негативный миф, созданный на основе представлений о российской политике как сфере субъективных переживаний, не лучше прежних мифов, сотворенных на почве идеологических предпочтений и национальных пристрастий.

Распад СССР и образование национальных государств стали импульсом для роста исследовательского интереса к изучению конфессиональной и этнической истории народов, получивших политическую независимость. Так, за прошедшие годы белорусскими историками был создан ряд работ, в которых рассматривались вопросы конфессиональной истории и конфессиональной политики российского правительства на территории, занимавшей большую часть бывшего Северо-Западного края¹.

В этой связи следует назвать монографии «Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.)» и «Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг.», которые были написаны сотрудниками Института истории Национальной академии наук Беларуси. В них рассматриваются сюжеты, относящиеся к истории христианских конфессий и конфессиональной политики правительства на большей части территории Северо-Западного края. Авторы воспользовались эмпирическим материалом, накопленным западнорусской историографией, интерпретируя его в духе современных национальных концепций белорусской истории². В последние годы список работ в области истории конфессий и конфессиональной политики Российской империи пополнился рядом специальных монографий и диссертационных исследований. В них белорусские авторы рассматривают правовое положение Римско-католической и Православной церквей, практику государственного регулирования конфессиональной жизни и опыт межконфессиональных отношений в регионе во второй половине XIX – начале XX в. Это работы Ю. А. Бачище и А. И. Ганчара, В. Н. Линкевича и В. В. Табунова³.

К сожалению, методология, которой пользуются исследователи, не всегда приводит их к выводам, убедительным с научной точки зрения. Причиной тому – идеологическое влияние «национально-государственной концепции истории Беларуси», нашедшей воплощение в работе Ю. А. Бачище и, отчасти, А. И. Ганчара. В результате произведенной «национализации» региональной

¹ *Гарбацкі А.А.* Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX ст.ст. Брест, 1999; *Короткая Т.П., Осипов А.И., Теплова В.А.* Христианство в Беларуси: история и современность. Мн., 2000. *Черепица В.Н.* Очерки истории Православной церкви на Гродненщине. Ч. 1. Гродно, 2000.

² *Грыгор’ева В.В., Завальнюк У.М., Навіцкі У. І., Філатава А. М.* Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.). Мн., 1998; *Яноўская В. В.* Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. Мн., 2002; *Філатова Е. Н.* Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. Мн., 2006.

³ *Бачышча Ю. А.* Каталіцкая царква ў нацыянальна-рэлігійнай палітыцы царызму ў Беларусі (1900–1914 гг.) : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мн., 2003; *Линкевич В.Н.* Межконфессиональные отношения в Беларуси (1861–1914 гг.). Гродно, 2008; *Ганчар А. И.* Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX – нач. XX вв.) Исторический очерк: монография. Гродно, 2010; *Табунов В. В.* Политика российского правительства в отношении христианских конфессий в Беларуси (1895–1907) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мн., 2008.

истории конфессиональная политика, проводимая российским правительством в Северо-Западном крае, не получила всестороннего и объективного рассмотрения. Более выверенную методологию исследования предлагают В. Н. Линкевич и В. В. Табунов. Работы этих авторов содержат обоснованные представления о сущности государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений в Северо-Западном крае во второй половине XIX – начале XX в. Однако отсутствие должного внимания к религиозно-правовому измерению объектов конфессиональной политики сужает возможности для углубленного анализа причин возникновения религиозных конфликтов и межконфессиональной нетерпимости. Отдельные аспекты отношений государства и Римско-католической церкви рассматриваются в монографии А. Ф. Смоленчука. Предложенная этим автором «национальная» интерпретация сюжетов конфессиональной политики российского государства не выдерживает научной критики¹.

Исследования, проведенные упомянутыми авторами, не привели к выявлению актуальности темы веротерпимости как особого проблемного поля в области исторических исследований. Об этом свидетельствует ограниченный интерес историков к изучению явлений, которые следует отнести к указанной проблематике, – насилия над религиозной совестью, неправомерных ограничений «свободы веры», конфликтов между светским законодательством и церковным правом, нарушений законодательства о веротерпимости и религиозной нетерпимости к иноверцам. Немногочисленные публикации и исследования, появившиеся в последние годы, касаются лишь отдельных аспектов этого сложного исторического феномена.

Большой вклад в изучение положения Католической церкви в Российской империи принадлежит польским историкам Б. Кумору, М. Радвану и др. В опубликованных ими исследованиях содержатся обширные материалы об устройстве и функционировании римско-католических диоцезий, деканатов и парафий, сведения о деятельности епископата, белого духовенства и монашеских орденов. Объектом исследования становились также события и процессы, свидетельствовавшие об отношении местного католичества к российскому господству в крае. В разное время был опубликован ряд работ об участии духовенства в восстании 1863–1864 гг., в которых дается негативная оценка действиям правительства, а «терпимое» положение Римско-католической церкви в Северо-Западном крае оценивается в категориях религиозного угнетения².

¹ *Смалянчук А.Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. СПб., 2004.

² *Bojownicy kapłani za sprawę Kościoła i ojczyzny w latach 1861-1915.* Sandomierz, 1936; *Kumor B.* Ustrój i organizacja Kościoła polskiego w okresie niewoli narodowej. 1772-1918. Krakow, 1980; *Rodkiewicz W.* Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin, 1998; *Wasilewski J.* Arcybiskupi i administratorowie archidiecezji mohylewskiej. Pinsk, 1930; *Radwan M.* Zakony męskie na ziemiach zabraných w XIX wieku. Lublin, 2004.

Ряд значительных научных публикаций принадлежит современным западным исследователям – Д. Сталюнасу, П. Верту и Т. Виксу¹. В трудах этих авторов рассматриваются не только различные аспекты этноконфессиональной политики правительства в Северо-Западном крае, но и связанные с ней проблемы веротерпимости.

Если Т. Вискс в своих работах уделяет главное внимание вопросам русификации Северо-Западного края, то литовский историк Д. Сталюнас изучает сюжеты этноконфессиональной политики, которые имеют непосредственное отношение к проблематике веротерпимости. Вызывает интерес авторский анализ мотивов и практики присоединения католиков к православию в 60-е гг. XIX в., которые привели к появлению политизированного миссионерства. Изучение опыта введения русского языка в католическое богослужение позволило автору сделать вывод о двух попытках интегрирования католиков-белорусов в состав «русской народности». В первом случае ведущим фактором интеграции выступало православие, во втором – русский язык.

Монография П. Верта посвящена изучению феномена поликонфессиональности Российской империи². Для понимания исторических особенностей этого феномена автор анализирует отдельные функции российского института веротерпимости. Особый интерес представляют сюжеты о функционировании института смешанных браков и опыте правоприменения указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. Следует отметить также работу немецкого историка Р. Тухтенхагена о правовом положении «терпимых» конфессий в Российской империи после издания указа от 17 апреля 1905 г.³

Рассмотренные работы зарубежных авторов предоставляют возможность расширить наши представления о новых подходах, используемых при изучении различных аспектов этноконфессиональной политики и истории «терпимых» конфессий в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

Завершая анализ состояния научной разработанности проблемы, следует отметить, что отечественная и зарубежная историческая наука добилась определенных успехов в изучении взаимоотношений, которые складывались между

¹ Вискс Т. Р. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология; сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005; Weeks T. R. Defining Us and Them: Poles and Russians in the «Western Provinces», 1863–1914 // Slavic review, 1994. № 1; Сталюнас Д. Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis. XXVI. Vilnius. 2005; Его же. Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х гг. XIX века // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология; сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005. Его же. Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam – New York, 2007.

² Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.

³ Tuchtenhagen R. Religion als minderere Status. Die Reform der Gesetzgebung gegenüber religiösen Minderheit in der verfaßten Gesellschaft des Russischen Reiches 1905–1917. Frankfurt am Main, 1995.

государством и православием, с одной стороны, и «терпимыми» конфессиями, – с другой. Вместе с тем проблематика веротерпимости в Российской империи еще не стала объектом специального исследовательского интереса. В настоящее время это новое историографическое направление переживает период своего становления.

Учитывая актуальность и степень научной разработанности проблемы, **объектом** диссертационного исследования избрана деятельность трех главных акторов – правительства, Православной и Римско-католической церковью. Выбор указанных субъектов государственно-конфессиональных межконфессиональных отношений обусловлен их ведущей ролью в появлении и разрешении проблем веротерпимости на территории Северо-Западного края Российской империи в 1863–1914 гг.

Предметом исследования являются конфликты и противоречия, возникавшие во взаимоотношениях между правительством и Православной церковью с одной стороны, и Римско-католической церковью, с другой, изменения в конфессиональной политике, законодательстве и практике правоприменения, вызванные региональными проблемами веротерпимости.

Научная проблема исследования заключается в обобщении исторического опыта веротерпимости в области государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений в Северо-Западном крае Российской империи в 1863–1914 гг., раскрытии характерных черт, закономерностей и тенденций их развития, региональной специфики, общероссийского и внешнеполитического измерения, формулировании выводов и научно-практических рекомендаций.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1863 по 1914 г. Установление нижней границы обусловлено датой польского восстания, охватившего в 1863 г. территорию Северо-Западного края Российской империи. В качестве активных участников антироссийского восстания выступили представители римско-католического клира и миряне. Данное обстоятельство привело к радикальным переменам в отношении правительства к местному католическому духовенству, которое, оставаясь привилегированным и религиозно «терпимым», начало восприниматься в качестве потенциально враждебной социальной группы. Был предпринят ряд долговременных чрезвычайных мер, призванных упразднить возможную опасность появления в этом регионе конфессионально мотивированного польского сепаратизма¹. Верхняя граница исследования определяется 1914 г. и связана с началом Первой мировой войны, в результате которой значительная часть Северо-Западного края оказалась оккупированной кайзеровской Германией, что подвело черту под проблемами веротерпимости мирного времени.

Территориальные рамки исследования представлены пространством Северо-Западного края Российской империи. Таково было неофициальное название территориально-административной единицы, в состав которой в начале 60-х гг. XIX в. входило шесть губерний: Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Могилевская. Северо-Западный край находился в подчи-

¹ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 125. – Д. 298 а. – Л. 59–118; ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1869. – Д. 946. – Л. 1–29; Ф. 604. – Оп. 5. – Д. 748. – Л. 1–3; Ф. 378. – Оп. 1869. – Д. 955. – Л. 1–5.

нении генерал-губернатора, резиденция которого был г. Вильно¹. По мере снятия военного положения из состава Северо-Западного края постепенно были выведены три губернии: Могилевская – 27 июня 1869 г., Витебская – 2 ноября 1869 г. и Минская – 25 декабря 1870 г. – и переданы в непосредственное управление МВД². В связи с указанными переменами название «Северо-Западный край» сохранилось за тремя белорусско-литовскими губерниями, которые по-прежнему оставались в ведении виленского генерал-губернатора. За губерниями Витебской, Минской и Могилевской стало закрепляться название белорусских³. В 1912 г. Виленское генерал-губернаторство было упразднено, и губернии Виленская, Ковенская и Гродненская стали напрямую подчиняться МВД. Но неофициальное название «Северо-Западный край» в отношении шести указанных губерний продолжало сохраняться до начала XX в.⁴

Выбор территории, оптимальной для решения поставленных исследовательских задач, имеет следующее обоснование. Во-первых, этот регион отличался особой концентрацией административных и церковных структур управления. В Вильно находился попечитель Виленского учебного округа, в состав которого входило шесть вышеупомянутых губерний. Православное духовенство и население края в церковном отношении распределялось на епархии – Литовскую, Полоцкую, Могилевскую, Минскую, а с 1900 г. и Гродненскую. Католический клир и миряне входили в состав Виленской и Тельшевской диоцезий и Могилевской архидиоцезии.

Во-вторых, ведущее место в сложной системе межконфессиональных отношений на территории края занимали отношения между католичеством и православием, имевшие долгую и сложную историческую традицию, для которой было характерно сочетание процессов мирного сосуществования с проявлениями религиозной нетерпимости друг к другу. Данное обстоятельство делало этот край проблемным регионом Российской империи наряду с Царством Польским, Юго-Западным краем и Поволжьем.

В-третьих, в Северо-Западном крае отношения между государством, «господствующим» православием и «терпимым» католичеством испытывали на себе значительное воздействие политических и этнических факторов, выступавших в форме польско-русского противоборства.

В-четвертых, территория этого региона являлась цивилизационным пограничьем, где встречались «западные» культуры – польская и литовская – с культурами «восточными» – русской, белорусской и малороссийской. Здесь в сфере образования и коммуникаций сталкивались кириллица и латиница, что усиливало дифференциацию между культурами и конфессиями. Все эти факторы придавали Северо-Западному краю своеобразие и уникальность, что определило выбор пространства, оптимального для решения задач, поставленных в диссертации.

¹ Гісторыя Беларусі. У 2 ч. Ч. 1. Ад старажытных часоў – па люты 1917 г. / пад рэд. Я.К. Новіка і Г.С. Марцуля. – 3-е выд., Мн., 2007. С. 278–279.

² ГАРФ. – Ф. 543. – Оп. 1. – Д. 470. – Л. 8–9; НИАБ. – Ф. 295. – Оп. 1. – Д. 1671. – Л. 58–60; ЛГИА. – Ф. 378. – Оп. 1869. – Д. 66. – Л. 48–53; Ф. 378. – Оп. 1869. – Д. 97. – Л. 1–4.

³ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 267. – Л. 244.

⁴ Памяти графа Михаила Николаевича Муравьева. Вильна, 1898. С. 3.

Цель диссертационного исследования – всесторонне проанализировать эволюцию и содержание проблем веротерпимости, существовавших в Северо-Западном крае Российской империи в 1863–1914 гг., выявить конфликты и противоречия, обусловившие их появление, рассмотреть мотивы и поведение конфликтующих сторон, показать попытки решения региональных проблем на общероссийском и внешнеполитическом уровне.

Задачи диссертации подчинены достижению поставленной цели и состоят в том, чтобы:

- рассмотреть историографию проблемы, дать оценку состоянию ее изученности, определить место в контексте направлений, сложившихся в историографии, и охарактеризовать ее источниковую базу;

- провести анализ религиозного законодательства Российской империи, рассмотреть феномен российской веротерпимости в трех аспектах – правовом, институциональном и функциональном, определить научный статус понятия «веротерпимость»;

- выявить основные направления политики вытеснения и сдерживания католичества, проводимой в Северо-Западном крае после восстания 1863 г., рассмотреть миссионерскую практику присоединений католиков к православию, проанализировать проблему «упорствующих в латинстве»;

- раскрыть цели и содержание политики «располячения» костела, рассмотреть церковно-бюрократическую практику реализации указа от 25 декабря 1869 г., выявить взаимосвязь конфессиональных, государственных и внешнеполитических факторов, вызвавших сопротивление сторонников польского языка в дополнительном католическом богослужении;

- изучить конфликтные ситуации, возникшие на религиозно-этнической почве в учреждениях народного просвещения Виленского учебного округа и церковноприходских школах Литовской и Гродненской епархий;

- проанализировать характер перемен в политике региональной администрации и в поведении католической иерархии и духовенства накануне издания указа от 17 апреля 1905 г.;

- изучить идеологию и модернизационный потенциал указа о веротерпимости, показать его роль в развитии правового статуса Римско-католической церкви в Российской империи, выявить пробелы в новом законодательстве и риски его применения в условиях Северо-Западного края;

- рассмотреть содержание и эволюцию церковно-государственных и межконфессиональных конфликтов, вызванных проблемой «двоевластия», установленного в области переходов из православия в католичество;

- раскрыть мотивы, вызвавшие появление конфликтов и религиозно-этнической нетерпимости между православными и католиками, изучить поведение конфликтующих сторон и роль государства в установлении правопорядка в регионе после издания указа о веротерпимости;

- рассмотреть конфликтные ситуации и опыт «двоевластия», возникшие в учреждениях народного просвещения в связи с определением «природного языка» учащихся-католиков, выявить роль Римской курии в отстаивании конфессионально-этнических интересов регионального католичества;

- проанализировать конфликты, вызванные борьбой католиков за возвращение церковной собственности, конфискованной в 60-е гг. XIX в., выявить

проблемы, возникшие в практике правоприменения указа о веротерпимости в области костельного строительства;

- провести анализ законов от 26 декабря 1905 г. о Римско-католической церкви, изучить практику их правоприменения и бюрократической адаптации к условиям Северо-Западного края, рассмотреть проявления религиозной нетерпимости в поведении католического духовенства и мирян;

- сделать научно обоснованные выводы, определить перспективные направления дальнейших исследований в области проблематики веротерпимости, сформулировать научно-практические рекомендации по использованию отечественного опыта решения религиозных конфликтов в современной научной и политико-правовой деятельности.

Методологическую основу диссертации составили общенаучные принципы: *научность, историзм, объективность и системность*. Комплексное решение задач, поставленных в исследовании, вызвали необходимость использовать такие общенаучные методы познания как *индукция и дедукция, анализ и синтез, аналогия и обобщение*. Применение этих методов позволило автору сформировать необходимый понятийный аппарат, проанализировать выявленные проблемы и на этой основе осуществить комплексную реконструкцию исторических событий и процессов. Общенаучные принципы и методы познания применялись с учетом конкретики и особенностей использования их в историческом исследовании.

Проблемы, рассматриваемые в диссертации, носят специфический, многофакторный характер, что обусловило рациональный отбор и необходимость всестороннего изучения использованных источников. Поэтому решение задач, поставленных в исследовании, вызвало потребность в использовании результатов смежных научных дисциплин. Изучение государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений на различных уровнях (от Римской курии, Святейшего Синода, МВД и МИДа до приходов и смешанных семей) потребовало от соискателя применения комплексного, междисциплинарного подхода.

Традиционные методы исторического исследования, основанные на изучении архивных источников и других документов, дополняются методическими приемами и данными таких дисциплин как история государства и права, история церкви, церковное право, этнология, религиоведение, богословие и политология.

Использование в исследовании большого количества нормативно-правовых документов, светских и церковных, потребовало применения метода *контекстной интерпретации правовых источников*. Указанный метод способствовал выявлению политических и миссионерских мотивов разработчиков правовых и канонических актов, региональные и конфессиональные аспекты практики их правоприменения в Северо-Западном крае.

Из перечня специальных исторических методов, использованных в исследовании, важная роль принадлежит *проблемно-хронологическому* методу. С его помощью автору удалось определить основные проблемы и факты в истории взаимоотношений между государством, православием и католичеством и рассмотреть их в последовательно хронологическом порядке. Изучение эволюционных перемен, происходивших в законодательстве и конфессиональной политике государства, обусловило потребность в применении *синхронного* и *диахронного* методов исследования. Использование диахронного метода позволило сопоставить проблемы веротерпимости, существовавшие в 1863–1904 гг.,

с проблемами, возникшими в период с 1905 по 1914 г., проанализировать их сходство и различия, выявить причины произошедших в них изменений.

Специфика темы исследования обусловила необходимость применения *историко-системного* метода. Его особая роль в решении исследовательских задач позволила рассмотреть проблематику веротерпимости системно, на различных взаимосвязанных уровнях государственно-церковного управления и «низовых» межконфессиональных отношений. *Историко-системный подход*, применяемый наряду со *структурным* и *функциональным* методами исследования, позволяет раскрыть причинно-следственные связи между явлениями и процессами, связать в единое целое сложную картину исторических событий.

С помощью *историко-генетического* метода тема исследования представлена как эволюционирующий процесс, для которого характерно сложное динамическое сопряжение опыта реформирования с сохранением консервативных традиций имперской веротерпимости. Специфика сосуществующих в Северо-Западном крае основных конфессиональных традиций вызывает необходимость использования *компаративного* метода исследования. *Сравнительный анализ* источников, характеризующих поведение католиков и православных, позволяет раскрыть причины и мотивы появления межконфессиональной напряженности, нетерпимости и конфликтных ситуаций. Задачи исследования требуют от автора *позитивистского подхода* к фактам межконфессионального соперничества, протекавшего в различных формах, поисков *эвристического* содержания в изучаемых церковных и светских источниках.

Общенаучные принципы и подходы, применяемые в сочетании со специальными историческими методами познания, позволили соискателю определить методологическую стратегию исследования и на этой основе раскрыть и сформулировать основные концептуальные положения диссертации.

Исследование системы государственно-конфессиональных отношений, поддерживавших сложный баланс интересов между государством и «господствующей» церковью, с одной стороны, и «терпимыми» конфессиями, с другой, является непростой научной задачей. Для понимания проблем, возникавших при нарушениях этого баланса, следует выявить, во-первых, области формирования конфликтных ситуаций. Во-вторых, возникает необходимость изучения реакции духовенства и мирян «терпимых» конфессий на решения, принимаемые правительством как в области конфессиональной политики, так и в сфере реформирования законодательства о веротерпимости. Это, в свою очередь, требует анализа факторов, которые оказывали непосредственное воздействие на отношение «терпимых» конфессий к российскому государству, к Православной церкви и друг к другу. В их число входят экклезиология, область церковного права и местные этнокультурные традиции. В-третьих, дополнительную трудность в изучении проблем веротерпимости вызывает традиционный для России этнический характер конфессий (католичество – польская вера, православие – русская вера). В таких случаях правительственные меры в области конфессиональной политики оказывались тесно связанными с интересами этнических сообществ, представленных «терпимыми» конфессиями¹.

¹ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 64. – Л. 3–4; АВПРИ. – Ф. Ватикан. – Оп. 890. – Д. 22. – Л. 95–96.

Необходимость изучения всех аспектов интересующего нас предмета приводит к ситуации, когда, по словам Д. Литтла, «... любые претензии на построение законченной методологии... окажутся печальной ошибкой, и не только потому, что на данном этапе проблема далеко не ясна, но и потому, что сам предмет весьма многогранен»¹.

Учитывая, что до настоящего времени вопрос о разработке универсальной или «законченной» методологии на макроуровне (общероссийском) остается открытым, практическим решением представляется поиск подходов, позволяющих осуществить научное понимание проблем веротерпимости на мезоуровне (региональном), в частности, на территории Северо-Западного края Российской империи.

В качестве познавательного инструмента, избранного для исследования региональных проблем российской веротерпимости, было использовано сочетание парадигмы модернизации и цивилизационного подхода². Парадигма модернизации является необходимым познавательным инструментом для изучения таких важных аспектов исследования, как кризисные явления в области правоприменительной практики и опыт реформирования законодательства о веротерпимости. При изучении этих макропроблем становится понятным соотношение, которое складывалось между преемственностью традиций государственной веротерпимости и степенью их реформирования в указе от 17 апреля 1905 г. Применение положений этой теории делает возможным адекватное объяснение конфессиональных и этнических трансформаций, происходивших в Северо-Западном крае в 1863–1914 гг.

Применение цивилизационного подхода служит необходимым дополнением к парадигме модернизации, используемой в исследовании. Этот подход позволяет объяснить региональную специфику и устойчивость христианских этноконфессиональных традиций, существовавших в Северо-Западном крае. Появляется возможность изучения особого опыта конфессионально-этнических отношений, которые формировались в российском цивилизационном пограни-

¹ *Литтл Д.* Изучение религиозных прав человека: методологические основания // *Права человека и религия: хрестоматия* / сост. и науч. ред. игумен Вениамин Новик. М., 2001. С. 169.

² *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996; *Паин Э. А.* Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов // *Общественные науки и современность*. 2009. № 6. С. 37–54; *Его же.* Обратная волна и парадоксы глобализации. [Электронный ресурс] // *Дружба народов*. 2011. № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/2/pa12.html>; *Каспэ С. И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001; *Опыт российских модернизаций XVIII–XX века* / отв. ред. В. В. Алексеев. М., 2000; *Ионов И.Н.* Российская цивилизация. IX – конец XX века. М., 2003; *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Т. 1, 2. СПб., 2000; *Журавлев В.В.* Цивилизационный подход к истории и вопросы ее «одушевления». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.oiros.org/public/p03/002.htm>; *Морозов Н.М.* Понятие «цивилизационный подход» в отечественной историографии на рубеже XX–XXI веков // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 104–114; *Барг М.Н.* Категория «цивилизация» как метод сравнительно-исторического исследования // *История СССР*. 1991. № 5. С. 70–86.

чье, разделявшем католический Запад и православный Восток. Сочетание указанных методологических подходов составляет теоретическую основу используемой объяснительной модели.

В Северо-Западном крае проблемы веротерпимости были тесно связаны с процессами формирования этнического самосознания католиков и православных, а взаимоотношения духовенства Римско-католической церкви с государством принимали порой характер политического противостояния. Поэтому возникает необходимость в использовании методологических подходов, принятых в смежных гуманитарных дисциплинах, в первую очередь в этнологии и политологии. Так как конфессиональный фактор играл решающую роль в формировании этнического самосознания населения региона, соискатель использует конструктивистский подход к пониманию этничности, изложенный в работах В. А. Тишкова¹.

В период с 1863 по 1914 г. на практику правоприменения норм веротерпимости в Северо-Западном крае преимущественное влияние оказывал политический фактор. Опыт политизации правовых отношений, сформировавшийся в результате столкновения интересов Католической церкви и российского государства, представляет собой исторический феномен, для понимания которого актуальным является методологический подход, разработанный немецким политическим мыслителем К. Шмиттом². Теоретические воззрения этого политолога на сущность процессов, именуемых политическими, позволили соискателю выявить особенности конфессионально-этнического противостояния в Северо-Западном крае. Таким образом, *междисциплинарный подход*, применяемый в диссертационном исследовании, является необходимым условием для выработки целостного представления о региональных проблемах веротерпимости.

При изучении истории сложных государственно-конфессиональных отношений, имеющих общероссийское содержание и региональную специфику, следует обратить особое внимание на такой термин, как «**веротерпимость**». С его помощью диссертант попытался выявить сущность государственно-конфессиональных, межконфессиональных и межэтнических отношений, характерных для Российской империи. Традиционный для изучаемого периода правовой термин «веротерпимость» является ключевым в данном исследовании³.

¹ *Тишков В.А.* Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001; *Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; *Его же.* И русский, и российский. [Электронный ресурс] // Вестник Российской нации 2009. № 2 (4). – Режим доступа: http://valerytishkov.ru/cntnt/novye_publicacii/vatishkov_1.html; *Его же.* Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. № 5–6. С. 21–41.

² *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 37–67.

³ Веротерпимость – свобода иноверцам исповедовать веру свою. Веротерпимое государство – государство, не стесняющее иноверцев в отправлении обрядов. См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 1: А–З. С. 333. Можно привести также определение веротерпимости, данное в свое время К.К. Арсеньевым: «Веротерпимость, по самому смыслу этого слова, предполагает отсутствие преследований за веру, отсутствие ограничений и стеснений, обуславливаемых вероисповедными различиями». *Арсеньев К. К.* Свобода совести и веротерпимость ... С. 271.

Его базовый характер обусловлен не только самим предметом исследования, но и неразрывной связью с решением важных методологических задач. Предпринятое соискателем теоретическое обоснование правомерности использования в диссертации термина «веротерпимость» в качестве «узлового»¹ научного понятия представляет собой развернутую попытку создания необходимой теоретико-методологической основы для ее написания. С целью определения содержания и смысловых границ предлагаемого научного понятия необходимо было прибегнуть к реконструкции представлений о веротерпимости, сложившихся в историографии и работах в области светского и церковного права. Для решения этой теоретической задачи диссертант проанализировал феномен российской веротерпимости в трех аспектах – правовом, институциональном и функциональном.

Рассмотренные в диссертации интегральные характеристики российской веротерпимости позволили реконструировать содержание этого исторического феномена, который возник в результате сочетания византийско-московских и западноевропейских правовых традиций и управленческих практик на протяжении XVIII – первой половины XIX в.²

Для каждого региона Российской империи была характерна своя особая проблематика веротерпимости. Понятие «веротерпимость» позволяет выявить универсальные, общероссийские характеристики этого исторического феномена, необходимые для понимания и изучения их региональной специфики.

Веротерпимость – это иерархически выстроенная легитимация религиозных различий, существовавших между народами, вошедшими в состав Российского государства. Базовые принципы веротерпимости, сформулированные в Основных законах Российской империи как свобода «веры и богослужения по обрядам оной», имели двойственный характер. С одной стороны, они свидетельствовали об этноцентричности религиозного законодательства, с другой – подчеркивали его имперский универсализм и политическую прагматичность. «Правила веротерпимости», созданные на основе этих принципов, институционализировали *неправославные* этнические сообщества империи в системно организованную иерархию конфессий, наделив их правовым статусом «терпимых». Эти признанные законом религиозные организации официально именовались «иностранными», так как их духовенство и паства не относились к «коренному» русскому населению, а религиозные центры находились, как правило, за границами империи³. Основными критериями терпимости «иностранных» конфессий являлись традиционность, легальность происхождения и этнический характер. К середине XIX в. веротерпимость приняла форму особого института права и управления, для которого было характерно сочетание равенства и неравноправия. Все терпимые конфессии делились на высшие – христианские (инославные), и низшие – нехристианские (иноверные). Различия в объеме религиозных прав, существовавшие внутри иерархии *объектов* веротерпимости, сочетались с равенством всех «иностранных» конфессий перед законом. Конфессии и общины старообрядцев и сектантов, отколовшихся от «господ-

¹ Тимофеев Д. В. Понятие «собственность» в России первой четверти XIX века: опыт реконструкции смыслов // Российская история. 2009. № 1. С. 165.

² Кузнецов Н. Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии. Ярославль, 1898. С. 6.

³ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 64. – Л. 2, 6.

ствовавшего» православия, находились *вне* действия института веротерпимости. Они не признавались законом и подвергались правовой дискриминации.

Непосредственным *субъектом* веротерпимости являлось государство. В роли опосредованного субъекта выступала «господствующая» Православная церковь. Наделенная исключительными привилегиями, эта церковь стояла *над* институтом веротерпимости, занимая по отношению к «иностранным» конфессиям высшее, иерархически формирующее место. Исторически сложившаяся взаимосвязь монархии и «господствующего» православия придавала российской веротерпимости своеобразный характер, отличавший ее от правовых моделей «церковь – государство», которые сложились в законодательствах европейских стран к середине XIX в.¹

Институт веротерпимости встраивал «иностранные» конфессии в государственный механизм правового регулирования, в котором кодифицированные нормы религиозного права получали силу светских законов. Наделение правил духовной дисциплины «иностранных» конфессий статусом законов Российской империи способствовало превращению религии в средство легитимации общественного и политического устройства. Утверждаемый законом и духовной дисциплиной контроль духовенства за религиозно-нравственной жизнью верующих дополнялся религиозной практикой формирования политической лояльности российской монархии. Органы управления «иностранных» конфессий, интегрированные в систему государственной власти, представленной МВД, возглавлялись иерархией, входившей в состав российского чиновничества в качестве высшей духовной бюрократии².

Созданный таким образом механизм государственно-духовного управления выполнял ряд важных функций по обеспечению безопасности государства, сохранению традиционной религиозности неправославного населения, поддержанию межрелигиозного мира и социальной стабильности.

Правовые границы веротерпимости, как *верхняя*, так и *нижняя*, носили подвижный характер, находясь в прямой зависимости от объема привилегий «господствующей» Православной церкви. Верхнюю границу российской веротерпимости формировали законы, отделявшие область прав «иностранных христианских исповеданий» от исключительных привилегий православия. Нижняя административно-правовая граница проходила между нехристианскими «иноверными исповеданиями» и юридически дискриминируемыми конфессиями и общинами старообрядцев и сектантов. В результате издания указов от 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г. границы веротерпимости изменились. Религиозные сообщества, не признаваемые ранее законом, получили правовой статус «терпимых». Дискриминация по религиозным мотивам была, в основном, упразднена³. Новые законы завершили строительство института веротерпимости, добавив к нему новые объекты правовой регуляции и нормы религиозной свободы.

¹ РГИА. – Ф. 821. – Оп. 10. – Д. 3. – Л. 483.

² РГИА. – Ф. 821. – Оп. 150. – Д. 7. – Л. 134–135.

³ Согласно новому законодательству, преследованию подвергались только «последователи изуверных учений, самая принадлежность к коим наказуема в уголовном порядке». Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. – 3-е изд., пересмотр. и доп. по 1 сентября 1908 г. / под ред. Н.И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 35–36.

До издания указа от 17 апреля 1905 г. понятие «веротерпимость» уместно употреблять в узком смысле слова, так как ее объектом традиционно являлись только «иностранные исповедания». После легализации общин старообрядцев и сектантов веротерпимость следует понимать уже в широком смысле слова¹. Признание государством религиозных прав дискриминируемых ранее религиозных сообществ придало этому понятию универсальный характер.

Развернутое определение веротерпимости, сформулированное диссертантом, позволяет придать этому исторически употребляемому правовому термину статус современного научного понятия. Представленное историко-правовое и теоретическое обоснование целесообразности использования традиционного термина «веротерпимость» в качестве научного понятия представляется продуктивным. В результате появилась возможность последовательно рассматривать политические, правовые, конфессиональные и этнические аспекты исследуемого предмета под одним углом зрения². Методологически обоснованное использование базового понятия «веротерпимость» позволило приступить к разработке понятийного аппарата исследования. При изучении проблем веротерпимости в Северо-Западном крае использовались такие понятия, как «упорствующие в латинстве», «латино-польская пропаганда» и «прозелитизм», наполненные конкретным историческим содержанием³.

Научная новизна исследования определяется постановкой проблемы, ее содержанием и способами научного решения. Впервые феномен российской веротерпимости был проанализирован в трех основных структурных аспектах – правовом, институциональном и функциональном. Проведенный анализ позволил представить веротерпимость в форме особого института права и управления, который обеспечивал регулирование сферы государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений. В результате было обосновано и сформулировано авторское определение понятия «веротерпимость», которое стало теоретико-методологической основой предпринятого исследования.

¹ Веротерпимость в широком, универсальном смысле нашла свое юридическое закрепление в Основных государственных законах, статья 81 которых гласила: «Российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этой свободой определяются законом» // Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1906. Ст. 81.

² *Литтл Д.* Изучение религиозных прав человека: методологические основания // Права человека и религия ... – С. 169.

³ Представленная теоретико-методологическая реконструкция, призванная определить содержательные аспекты понятия «веротерпимость», носит приоритетный характер. На это необходимо обратить внимание, так как С. А. Лукьянов неоднократно использовал в своей докторской диссертации методические приемы и выводы, ранее разработанные и сформулированные соискателем. См: *Бендин А. Ю.* Эволюция понятия веротерпимости и Указ 17 апреля 1905 г. // Исторические записки. / отв. ред. Б.В. Ананьич. М., 2006. № 9 (127). С. 116, 128, 132. Обязательных в таком случае ссылок на указанную публикацию С. А. Лукьянов, к сожалению, не приводит. Заимствования фрагментов из статьи диссертанта можно увидеть на следующих страницах работы этого правоведа: *Лукьянов С. А.* Принцип веротерпимости во внутренней политике дореволюционной России и роль Министерства внутренних дел в обеспечении государственно-правовых основ его осуществления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 12, 16–17.

Очерчены новые перспективные направления исследований, проблематика которых находится на стыке двух историографических направлений – истории конфессиональной политики и конфессиональной истории России.

Впервые в историографии осуществлено комплексное изучение региональных проблем веротерпимости, которые появлялись в процессе взаимоотношений между государством, Римско-католической и Православной церквями в 1863–1914 гг. на территории Северо-Западного края. Выявлены области этих отношений, где возникали государственно-конфессиональные и межконфессиональные конфликты. Проанализирована структура конфликтов, происходивших на *вышем, среднем и низовом* уровне. Показана роль, которую играли в них МВД, МИД, губернская администрация, Святейший Синод, православный епископат, духовенство и прихожане с одной стороны, Римская курия, католический епископат, приходские ксендзы и их паства, с другой. Раскрыто содержание этих конфликтов, мотивы поведения их участников, политические, правовые, конфессиональные, этнические и лингвистические аспекты возникшего противостояния. Показано, как столкновение миссионерских интересов и борьба за приоритет между каноническим правом и светским законодательством о веротерпимости становились движущей силой государственно-конфессиональных и межконфессиональных конфликтов. Раскрыто воздействие польского этнического фактора на появление проблем веротерпимости во взаимоотношениях государства с Римской курией, с католическим епископатом, духовенством и мирянами в диоцезиях, приходах и народной школе.

Исследовано влияние конфессиональной составляющей восстания 1863 г. на формирование региональной политики вытеснения и сдерживания католичества, просуществовавшей около 40 лет. Показано, как региональные проблемы веротерпимости оказывали воздействие на меры правительства по реформированию религиозного законодательства Российской империи. Проанализированы модернизационные аспекты указа от 17 апреля 1905 г., пробелы в его содержании и риски правоприменения в Северо-Западном крае Российской империи. Раскрыты связи, существовавшие между пробелами в области правоприменения указа, и появлением церковно-государственного «двоевластия». Выявлены области формирования «двоевластия», его конфессионально-правовое содержание и роль в возникновении проблем веротерпимости. Исследована нормотворческая деятельность МВД и местной администрации по адаптации статей указа о веротерпимости и законов от 25 декабря 1905 г. к особенностям поведения католического клира и мирян Северо-Западного края. Показаны расхождения, которые существовали между российским МИДом и МВД в оценке политики, проводимой в отношении католичества западных окраин империи накануне Первой мировой войны.

Характеризуется особая роль конфессионального фактора в процессе становления этнической идентичности белорусов – православных и католиков. Показано, как связи, существовавшие между этничностью и конфессиональной принадлежностью, оказывали влияние на возникновение конфронтации между духовенством и верующими двух ведущих христианских церквей. Раскрыто воздействие конфессиональных и этнических факторов на формирование религиозной нетерпимости между православными и католиками на приходском уровне и в смешанных семьях.

Теоретическое значение работы заключается в раскрытии содержания и эволюции проблем веротерпимости, существовавших в Северо-Западном крае Российской империи в 1863–1914 гг. Характерной особенностью региона было наличие зачастую совпадавших друг с другом конфессиональных и этнических границ. Они разделяли православие и католичество, польско-литовское и русское (белорусы, малороссы и великороссы) население. Большая часть территории края являлась непольской частью бывшей Речи Посполитой, за восстановление независимости которой боролась часть католического духовенства и мирян Северо-Западного края в восстании 1863 г.

В результате указанных обстоятельств Северо-Западный край стал средоточием длительной и сложной борьбы политических, церковных и связанных с ними этнических интересов трех основных акторов – государства, «господствующего» православия и «терпимого» католичества. Одним из проявлений этой борьбы становились государственно-церковные и межконфессиональные конфликты, имевшие в своей основе религиозное или религиозно-этническое происхождение. Анализ указанных явлений позволил определить их как проблемы веротерпимости, сочетавшие в себе общероссийские черты и региональную специфику.

Источниками религиозной терпимости в Российской империи являлись действовавшее законодательство и основанное на нем государственное регулирование, сохранявшее установленный законом баланс между интересами «господствующего» православия и «терпимых иностранных исповеданий». Появление проблем веротерпимости в Северо-Западном крае было обусловлено особым сочетанием неправомерных региональных ограничений и общероссийских норм религиозного законодательства, что приводило к нарушению фундаментального принципа «свободы веры» для католиков. Проблемы веротерпимости возникали в результате конфликтов, имевших сложную структуру и динамичный характер.

Так, репрессивные и ограничительные меры в отношении католичества, вызванные реакцией правительства и администрации края на восстание 1863 г., не имели легитимной основы в действовавших нормах веротерпимости. В этом случае ведущую роль в возникновении государственно-церковных конфликтов играли факторы чрезвычайного политического характера. Дополнительное, этническое измерение региональным проблемам веротерпимости придавал конфликт, вызванный политикой «располячения» костела. Местных католиков, сопротивлявшихся введению русского языка в дополнительное богослужение, поддержала Римская курия. В итоге региональная проблема веротерпимости приобрела внешнеполитическое значение. В конфликтах, возникших между католическим духовенством и администрацией Виленского учебного округа, на первый план вышли вопросы соблюдения канонических норм Римско-католической церкви. Общероссийскими факторами, которые оказывали непосредственное воздействие на формирование проблем региональной веротерпимости, являлись привилегированный статус и этнический характер Православной церкви, конфессиональные интересы которой пользовались приоритетной защитой государства.

Частичная модернизация религиозного законодательства, начатая указами от 12 декабря 1904 г. и от 17 апреля 1905 г., уменьшила объем привилегий «господствующей» церкви. Сокращение поддержки, которую государство

традиционно оказывало православия, привело к позитивным переменам в положении Римско-католической церкви на территории Северо-Западного края. Однако факторы, воздействовавшие на появление проблем веротерпимости в 60–70-е гг. XIX в., после издания указа о веротерпимости не были окончательно устранены. Они сложились в иную конфигурацию, предопределив тем самым содержание и эволюцию новых религиозных конфликтов и противоречий. Особую роль в их возникновении играли проявления нетерпимости между православными и католиками. Конфессиональные и этнические различия, существовавшие между ними, под влиянием факторов политико-правового, церковного и этнического характера приобретали в некоторых случаях радикальный характер, становясь источником острых религиозных конфликтов. Еще одним источником проблем веротерпимости стало церковно-государственное «двоевластие», которое появилось вследствие пробелов, имевшихся в модернизированном законодательстве о веротерпимости

Перемены, которые произошли в государственно-конфессиональных отношениях после издания указа от 17 апреля 1905 г. и законов от 26 декабря 1905 г. привели к повышению правового уровня религиозной терпимости в Российской империи. Однако государственное регулирование этих отношений в Северо-Западном крае сохранило отчасти свою региональную специфику, сложившуюся в 60-х гг. XIX в. Возвращение к ограничительным мерам, носившим правомерный характер, явилось политической реакцией МВД и верховной власти на правонарушения, совершаемые католическим клиром, поддержку духовенством польского национального движения и политику Римской курии в отношении России.

Практическая значимость работы состоит в усвоении исторического опыта сосуществования двух христианских церквей – «господствующей» и «терпимой» в регионе, который являлся объектом политического и культурного соперничества и отличался религиозно-этническим многообразием. Проведенный анализ исторического опыта взаимоотношений, которые складывались между православными и католиками в Северо-Западном крае Российской империи, дает возможность беспристрастно оценить мотивы поведения обеих сторон и определить меру их ответственности за проявления межконфессиональной нетерпимости. Следовательно, такое исследование будет служить целям укрепления взаимного доверия и уважения к конфессиональным различиям, которые существуют между православными и католиками.

Знания о социальных последствиях межконфессиональных конфликтов, вызванных принципиальным неравенством правовых статусов Православной и Римско-католической церквей, могут быть полезны для выработки решений в области внутренней и внешней конфессиональной политики. Полученные результаты диссертационного исследования могут быть использованы для выработки рекомендаций по совершенствованию правового статуса религиозных объединений в современной России. Данная работа представляет практический интерес для историков, правоведов, этнологов, религиоведов и богословов. Материалы, вводимые в научный оборот, могут найти последующее применение при написании работ по отечественной истории, конфессиональной и этнической истории России, истории государства и права.

Положения, выносимые на защиту:

– Сложность и специфика темы исследования вызвали необходимость разработки адекватного понятийного аппарата. Анализ российской веротерпимости как особого института права и управления позволил придать традиционному термину «веротерпимость» статус современного научного понятия.

– Правительство, учитывая роль религиозной составляющей в польском восстании 1863 г., приняло ряд чрезвычайных мер по сокращению католического присутствия в Северо-Западном крае. Произошедшая *политизация* отношений веротерпимости привела к формированию системы административных ограничений, наложенных на религиозную деятельность католического клира и мирян. Неправомерные методы регламентации церковной жизни стали основанием для многочисленных конфликтов между администрацией и духовенством.

– Частичное вытеснение католичества с территории края, происходившее в результате присоединений католиков к православию в 1863–1868 гг., вызвало появление феномена «упорствующих в латинстве». Длительное существование этой региональной проблемы стало одним из проявлений кризиса традиционного института веротерпимости.

– Правительственные меры по обрусению польского костела, предпринятые в форме реализации указа от 25 декабря 1869 г., вызвали протесты католического клира и мирян, санкционированные решением Римской курии. Региональный государственно-церковный конфликт, принявший затяжной характер, вызвал необходимость компромисса между правительством Николая II и Святым Престолом. Реализация компромиссных решений 1897 и 1901 гг. не принесла правительству желаемого результата.

– Политика обрусения, проводимая в учреждениях Виленского учебного округа, и монопольное положение православных церковноприходских школ вызвали сопротивление католического клира и мирян, которое принимало различные формы: как легальные, так и нелегальные. Для разрешения возникших религиозных конфликтов правительство в 1897 г. пошло на частичные уступки, не удовлетворившие римско-католическую иерархию Северо-Западного края.

– Действовавшее законодательство о веротерпимости и административное наследие 1860-х гг. предопределили ограниченный характер перемен, предпринятых виленским генерал-губернатором П. Д. Святополк-Мирским. Протестное поведение католического клира и мирян, усилившееся после издания манифеста от 26 февраля 1903 г., явилось свидетельством кризиса региональной практики неправомерной регламентации отношений веротерпимости.

– Указ от 17 апреля 1905 г. положил начало модернизации законодательства о веротерпимости и *деполитизации* отношений с католичеством Северо-Западного края. Пробелы, содержащиеся в новом законе, способствовали появлению «двоевластия» МВД и католической иерархии в области организации переходов из православия в католичество. Бюрократическое противоборство завершилось победой государства. Но социально-правовые последствия «двоевластия» не были упразднены до начала Первой мировой войны.

– Издание указа о веротерпимости стало толчком к появлению незаконной «низовой» кампании по привлечению в католичество «упорствующих в латинстве» и православных. Религиозная пропаганда, сопровождаемая эксцессами конфессиональной и этнической нетерпимости, вызвала негативную реакцию православного духовенства. Действия администрации по утверждению за-

конности и восстановлению межконфессиональной терпимости столкнулись с трудностями правового, политического и религиозного характера.

– Пробел в указе о веротерпимости создал условия для возникновения «двоевластия» в Виленском учебном округе. Конфликт между администрацией и католическим клиром, возникший из-за определения «природного» языка учащихся-католиков, был осложнен попыткой правительства продолжить политику обрусения костела в новых политических и правовых условиях. Решение Римской курии о сохранении польского языка в дополнительном богослужении не встретило понимания правительства, что способствовало затягиванию конфликта в народной школе.

– Осенью 1905 г. началось религиозное движение, ставившее своей целью возвращение католической церковной собственности. Правительство пресекло попытки насильственного захвата православных храмов и монастырей и предложило вариант легального решения проблемы. Новым источником конфликтов стала практика строительства новых костелов. Административная регламентация условий костельного строительства, предпринятая МВД, вызвала протесты католического епископата, поддержанные Римской курией.

– Издание указа о веротерпимости сократило область вертикального принуждения, связанного с государственной защитой исключительных привилегий православия. Практики религиозного принуждения сместились теперь на горизонтальный уровень семьи и прихода. Проявления нетерпимости между католиками и православными в быту и повседневном общении стали следствием усилившегося конфессионального соперничества, которое обострялось влиянием региональных религиозно-этнических традиций.

– Расширение правового статуса Римско-католической церкви, предусмотренное указом от 17 апреля 1905 г. и законами от 26 декабря 1905 г., усилило стремление ее клира выйти за ограничительные рамки законодательства о веротерпимости. Вызванный этим обстоятельством рост числа правонарушений, политизация крестных ходов и епископских визитаций потребовали от правительства адаптации новых законов к особенностям регионального поведения католического клира и мирян.

– Изменения в правовом статусе соперничавших церквей и либерализация политики обрусения края усложнили взаимоотношения между государством, православием и католичеством. Реакцией правительства на церковно-государственные конфликты, правонарушения и практику полонизации белорусского населения явились меры сдерживания католичества, осуществляемые в рамках закона. В связи с этим веротерпимые отношения с католичеством начали вновь приобретать *политическое* измерение.

Источниковую базу исследования составили многочисленные источники, разделенные соискателем на две основные группы: *источники официального и частного происхождения*. К первой группе относятся *законодательные акты, нормы церковного права, материалы официального делопроизводства, статистические источники, периодическая печать*. Ко второй группе следует отнести *мемуары, дневники, частную переписку*.

Характеризуя источники официального происхождения, следует отметить нормы имперского законодательства, которые формировали правовой статус «господствующей» Православной и «терпимой» Римско-католической церквей и предусматривали различные наказания за правонарушения в области религи-

озного законодательства. Среди них следует выделить в первую очередь статьи, содержащиеся в Основных государственных законах, Уставах духовных дел иностранных исповеданий и в Уставе о предупреждении и пресечении преступлений.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, уголовном Уложении, Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, содержались статьи, карающие за нарушения норм веротерпимости и привилегий Православной церкви. Перечисленные уставы, Уложение и высочайшие повеления о Римско-католической церкви были включены в Свод законов Российской империи и Полное собрание законов Российской империи.

К числу источников официального происхождения следует отнести нормы церковного права Римско-католической церкви, которые определяли внутреннее устройство церкви, отношение к государству, религиозному и светскому образованию, смешанным бракам и др. Адаптированные государством нормы церковного права Православной церкви содержались в Уставе духовных консисторий. К материалам официального делопроизводства относятся сведения о положении православия и оценка действий католического духовенства в Северо-Западном крае представлены в ежегодных отчетах обер-прокурора Святейшего Синода, в журналах и протоколах Предсоборного Присутствия и отзывах епархиальных архиереев о церковной реформе. В работе используются данные из отчетов губернаторов Северо-Западного края, которые находятся в Государственной публичной исторической библиотеке (г. Москва).

Наиболее значимый для исследования материал, содержащий основную информацию о состоянии веротерпимости в Северо-Западном крае, находится в фондах федеральных и зарубежных архивов. Базовый массив источников составили документы делопроизводства центральных государственных и церковных учреждений, которые имеются в профильных фондах РГИА, ГАРФ и АВПРИ. По важности использованных документов первым из них является РГИА.

В нем находятся фонд МВД, в котором отложились материалы Департамента духовных дел иностранных исповеданий (Ф. 821), Департамента общих дел (Ф. 1284), а также фонд канцелярии римско-католических митрополитов (Ф. 826) и канцелярии Святейшего Синода Православной церкви (Ф. 796). Документы, находящиеся в этих фондах, позволяют изучить правительственные меры в области разработки религиозного законодательства, практику правоприменения законодательных актов, касающихся интересов Католической и Православной церквей в Северо-Западном крае.

Для предпринятого исследования важное значение имеют материалы, содержащие решения центральных органов государственного и церковного управления. Эти документы характеризуют региональные особенности конфессиональной и этнической политики правительства, а также мотивы и действия православной и католической иерархии в борьбе за свои конфессиональные интересы. Важная по содержанию часть документов находится в ГАРФ. Это фонд Особого отдела Департамента полиции исполнительной МВД (Ф. 102), фонд III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (Ф. 109), фонд министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского (Ф. 1729), коллекция рукописей Царскосельского дворца (Ф. 543). Документы, находящиеся в указанных фондах, позволяют изучить действия полиции и губернских

жандармских управлений по контролю за поведением римско-католического духовенства, выявить внешнеполитические аспекты отношений государства с Римской курией по вопросу о языке дополнительного богослужения.

Высокой информационной насыщенностью обладают материалы делопроизводства, хранящиеся в АВПРИ (Ф. 890 Ватикан). Выявленные документы МИД и МВД позволяют выяснить мотивы и содержание конфликтов, возникших между Римской курией и российским правительством по поводу положения Римско-католической церкви на западных окраинах империи.

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ) находятся личные фонды лиц, оказывавших непосредственное воздействие на конфессиональную и образовательную политику на территории Северо-Западного края. В некоторых из них содержатся материалы официального делопроизводства – циркуляры и отчеты государственных учреждений. Это фонд В. Ф. Ратча (Ф. 629), фонд П. П. Альбединского (Ф. 16), фонд П. Н. Батюшкова (Ф. 52), фонд И. П. Корнилова (Ф. 377). Большой массив документов делопроизводства, необходимых для изучения проблем веротерпимости в Северо-Западном крае, выявлен в зарубежных архивах. В Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ) хранятся материалы Минского губернского правления (Ф. 295, 299), Витебского губернского правления (Ф. 1430) и Могилевского губернского правления (Ф. 2001). Сведения, полученные из этих фондов, позволяют сформировать представление о проблемах, которые возникали у местной администрации во взаимоотношениях с Римско-католической церковью. В НИАБ находятся необходимые для исследования документы православных духовных консисторий: Минской (Ф. 136), Полоцкой (Ф. 2531) и Могилевской (Ф. 2301). Содержащиеся в них сведения позволяют выявить мотивы и рассмотреть поведение православного духовенства в ситуациях межконфессионального противостояния с католиками.

Важную роль в изучении темы сыграли документы, хранящиеся в Литовском государственном историческом архиве (ЛГИА). Это прежде всего архивные материалы канцелярии виленского генерал-губернатора (Ф. 378), в которых отражены важнейшие аспекты конфессиональной политики и практики взаимодействия светских и духовных властей в решении религиозно-этнических проблем шести губерний – Гродненской, Виленской, Ковенской, Витебской, Минской и Могилевской. После выведения в 1869–1870 гг. трех губерний – Могилевской, Витебской и Минской из состава виленского генерал-губернаторства, в фонде 378 ЛГИА сосредоточились важные для исследования материалы остальных губерний – Гродненской, Виленской и Ковенской.

Для изучения деятельности Православной церкви в Виленской и Ковенской губерниях и ее взаимоотношений с государством и «терпимым» католичеством использовались документы Литовской православной духовной консистории (Ф. 605). В фондах Виленской римско-католической духовной консистории (Ф. 604, 694) и Тельшевского римско-католического епархиального управления (Ф. 696) находятся документы, характеризующие поведение католического епископата и духовенства в конфликтах со светской властью и Православной церковью. Ценные сведения о религиозно-этнических проблемах, возникавших в системе народного просвещения, содержатся в фонде канцелярии попечителя Виленского учебного округа (Ф. 567). Значительная часть использованных документов впервые вводится в научный оборот.

Важную группу источников официального происхождения составляют периодические издания, светские и церковные. Среди них следует назвать светские издания: «Новое время», «Речь», «Русь», «Виленский вестник», «Минское слово», «Kurjer Litewski» и др. В исследовании используются материалы церковных изданий: «Церковные ведомости», «Церковный вестник», «Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства», Литовские, Минские, Могилевские, Гродненские и Полоцкие епархиальные ведомости.

В работе приводятся статистические данные о конфессиональном и этническом составе населения Северо-Западного края, содержащиеся в материалах «Атласа народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям» 1864 г. и первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Сведения о губернской и церковной администрации, информация о конфессиональном и этническом составе населения представлены в Виленском календаре и памятных книжках Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Витебской и Могилевской губерний.

Из источников частного происхождения, позволяющих раскрыть отдельные аспекты темы, следует назвать воспоминания церковных и политических деятелей изучаемой эпохи. В частности, митрополита Евлогия (Георгиевского), протоиерея Г. В. Шавельского, М. Н. Муравьева, С. Ю. Витте, С. Д. Сазонова, И. И. Толстого, П. Г. Курлова и др. Наряду с мемуарами светских и церковных администраторов важную роль в понимании региональных проблем веротерпимости играет личная переписка участников рассматриваемых событий. Указанные источники содержатся также в упоминаемых выше личных фондах В. Ф. Ратча (Ф. 629), П. П. Альбединского (Ф. 16), П. Н. Батюшкова (Ф. 52), И. П. Корнилова (Ф. 377), которые находятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Интересные сведения о конфессиональной политике на западных окраинах империи содержатся в личной переписке К. П. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода (Ф. 230) и А. Н. Мосолова (Ф. 514), директора Департамента духовных дел МВД. Оба фонда хранятся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

Структура диссертации обусловлена задачами исследования. Специфика объекта и предмета исследования, сложность и большой объем исследовательских задач определили структуру диссертации. Она состоит из введения, одиннадцати глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованных источников и литературы.

II. СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяется степень ее научной разработанности, указываются хронологические и территориальные рамки, объект, предмет, цель и задачи исследования, раскрываются теоретико-методологические основы его проведения, источниковая база, научная новизна и практическая значимость работы; сформулированы научная проблема и основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1 – **«Историография темы, источники и теоретико-методологические основы исследования»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе рассматривается степень изученности темы, определяется ее место среди направлений, существующих в исторической науке, выделены периоды в развитии отечественной и зарубежной историографии, которые обусловили сложности, особенности и тенденции в изучении проблем веротерпимости. Дана характеристика вклада, сделанного зарубежными исследователями в изучение российского опыта государственно-конфессиональных отношений и конфессиональной политики.

Во втором параграфе рассмотрены основные группы источников по исследуемой проблеме, выделены архивные фонды, наиболее важные для исследования. Используемые источники отличаются разнородностью происхождения и функциональной разнонаправленностью. С содержательной точки зрения они являются как светскими, так и религиозными. В совокупности эти источники обладают необходимой репрезентативностью для успешной исследовательской работы.

В третьем параграфе изложены основные теоретические и методологические подходы к изучению темы веротерпимости. Раскрыта сущность применяемых в исследовании методов, сформирован понятийно-категориальный аппарат. Особое внимание уделено анализу содержательных аспектов исторического феномена российской веротерпимости, что позволило придать этому правовому термину статус современного научного понятия. Понятие *«веротерпимость»* определило особый ракурс исследования и обусловило правомерность использования таких терминов, как *«упорствующие в латинстве»*, *«латино-польская пропаганда»*, *«сворачивание»* и *«прозелитизм»*.

Глава 2 – **«Феномен «упорствующих в латинстве» как проявление кризиса института веротерпимости»** состоит из семи параграфов.

В первом параграфе рассматривается роль политических, правовых и конфессиональных факторов, которые сформировали как светские, так и церковные предпосылки для появления феномена «упорствующих». Отмечается, что польское восстание, вспыхнувшее на территории Северо-Западного края в 1863 г., оказало решающее воздействие на глубокие перемены, произошедшие в конфессиональной политике, в положении обеих церквей и в методах государственной регламентации конфессиональной жизни местного католичества. Восстание по конфессиональному составу его участников являлось католиче-

ским. В его организации и проведении активную роль сыграла часть католического клира и орденового монашества, внося религиозную мотивацию в вооруженные антиправительственные выступления. Проявления крайней политической враждебности со стороны представителей католического духовенства и мирян вынудили администрацию к принятию чрезвычайных мер по сокращению католического присутствия в крае. Тем самым было положено начало политизации отношений государства с Римско-католической церковью на территории Северо-Западного края. Под этим термином понимается практика, сочетавшая меры административного вытеснения и сдерживания местного католичества, которая выходила за рамки действовавшего законодательства о веротерпимости.

В качестве одного из направлений политики вытеснения католичества из религиозного пространства Северо-Западного края рассматривается практика присоединений католиков к православию. Она возникла в период правления генерал-губернатора М. Н. Муравьева (1863–1865 гг.) как добровольное религиозное движение за возвращение к вере предков. Присоединения к православию стали демонстрацией верности российской монархии. Отмечается, что по мере вовлечения в это движение представителей губернских властей и мировых посредников начинает формироваться такое специфическое явление, как административное миссионерство. Светские и духовные миссионеры ставили своей целью максимальное ослабление позиций католичества в крае в связи с его политической враждебностью, проявленной в восстании 1863 г. Анализируются первые результаты начавшегося движения по присоединению католиков к православию.

Во втором параграфе рассматриваются миссионерские приемы, с помощью которых происходили массовые присоединения католиков к православию в период генерал-губернаторства К. П. фон Кауфмана и Э. Т. Баранова (1865–1868 гг.). Раскрыты религиозные, идейные и политические мотивации участников православной миссии, как светских, так и духовных. Показывается, как вовлечение представителей местной администрации в миссионерскую кампанию оказывало влияние на методы, идейное обоснование и динамику процессов присоединения католиков к православию. Анализируется опыт первых религиозных протестов во вновь образованных и воссоединенных приходах Гродненской и Минской губерний, вызванных попытками крестьян покинуть православие и вернуться в католичество. Показаны меры, предпринятые администрацией края по расследованию этих конфликтов, выявлению их активных участников и наказанию виновных в условиях действовавшего военного положения.

Третий параграф посвящен изучению различных аспектов административной, церковной и судебной практики удержания «упорствующих» в составе «господствующей» Православной церкви в период, связанный с новым политическим курсом генерал-губернатора А. Л. Потапова (1868–1874 гг.). Раскрываются причины резкого сокращения количества переходов из католичества в православие, которое происходит на фоне роста протестного движения и продолжения попыток выхода из «господствующей» церкви. Рассмотрены прояв-

ления нетерпимости католического населения по отношению к лицам, перешедшим в православие. Отмечается, что с прекращением практики административного миссионерства политика вытеснения Римско-католической церкви из края практически завершается. Однако политика сдерживания католичества по-прежнему сохраняла свою силу.

В четвертом параграфе рассматриваются формы, которые принимал религиозный протест «упорствующих» в 70–80-х гг. XIX в., деятельность католических священников, поддерживавших тайную сакраментальную связь со своей бывшей паствой, а также меры, которые предпринимали правительство, администрация и православное духовенство по противодействию нелегальной деятельности католического духовенства. Обращается внимание на оживление поддержки «упорствующих» со стороны католического клира, последовавшее после восстановления в 1883 г. правящей католической иерархии в епархиях Северо-Западного края.

Пятый параграф посвящен изучению различных способов, которыми пользовались «упорствующие» для того, чтобы легальным путем выйти из «господствующего» православия и присоединиться к «терпимому» католичеству, анализируются правовые и бюрократические причины, которые препятствовали выходу из православия на основе действовавшего законодательства о веротерпимости и привилегий Православной церкви.

В шестом параграфе рассматриваются религиозно-психологические проблемы, с которыми столкнулось православное духовенство, служившее в приходах, имевших в своем составе значительное число «упорствующих». Раскрываются причины низкой результативности православной миссии в этих приходах, анализируются меры государственного содействия, которые оказывала православному духовенству местная администрация с целью сокращения католического влияния на поведение «упорствующих», -- принудительное закрытие костелов, каплиц и т.д.

В седьмом параграфе рассматриваются попытки губернской администрации локализовать отношения с «упорствующими» рамками религиозного конфликта, не позволяя ему выйти на уровень политического протеста. Так, когда возникала необходимость принесения присяги императорам, взошедшим на российский престол, – Александру III и Николаю II, администрация шла на уступки «упорствующим», разрешая им присягать в костелах. Характеризуются различные аспекты административной и церковной деятельности, направленной на бюрократическое и миссионерское разрешение многолетней проблемы принуждения религиозной совести «упорствующих» без внесения принципиальных перемен в действовавшее законодательство о веротерпимости. Показано, что вопрос о положении «упорствующих» в Минской губернии стал предметом обсуждения на высшем административном уровне, вызвав заинтересованность императора Николая II.

Глава 3 – *«Обрусение костела как проблема веротерпимости»* состоит из пяти параграфов.

Первый параграф посвящен изучению политических и церковных предпосылок издания императорского указа от 25 декабря 1869 г. «О допущении

русского языка в делах религии иностранных исповеданий». Дается разъяснение роли дополнительного католического богослужения в решении политических задач, которые ставило перед собой правительство в деле обрусения Северо-Западного края. Отмечается, что политика «располячения» костела, начатая в рамках законодательства о веротерпимости, не ставила своей целью ущемление религиозных прав католиков и преследование католичества как религии. С точки зрения правительства задача растоществления католичества и «полонизма» носила сугубо политический характер. Местный польский католицизм, потенциально враждебный России, следовало трансформировать в этнически русский, лояльный государству. Для этого нужно было дополнительное католическое богослужение перевести с традиционного польского языка на государственный русский. Обрусение белорусского католического населения Северо-Западного края воспринималось, таким образом, в качестве необходимого условия для обеспечения безопасности западных окраин империи. Рассматриваются вопросы создания бюрократического, церковно-государственного механизма для реализации указа в католических приходах и риски его применения в местностях, где сформировались прочные традиции использования польского языка в дополнительном богослужении.

Во втором параграфе показана реакция части римско-католического духовенства на издание богослужебных книг на русском языке и первые репрессии администрации, направленные на ксендзов – противников введения русского языка в дополнительное католическое богослужение. Рассматриваются примеры добровольного выбора русского языка в отдельных приходах, а также мотивы и практика пассивного и открытого сопротивления попыткам реализации указа от 25 декабря 1869 г. со стороны католического клира и прихожан. Дается характеристика трудностей, с которыми столкнулась администрация и католические священники при замене в дополнительном богослужении польского языка русским.

Третий параграф посвящен изучению религиозных конфликтов, которые возникли в Минской губернии в начале 70-х гг. XIX в. и вызвали сложный комплекс проблем внешнеполитического, церковно-государственного и канонического характера. Рассматривается деятельность ксендза Ф. Е. Сенчиковского и его сторонников по утверждению русского языка в дополнительном богослужении и реакция католической стороны на принимаемые ими церковно-административные решения. Дается сжатый обзор позиции российской дипломатии на переговорах с Римской курией о введении русского языка в костелах Западного края. Анализируются мотивы решения конгрегации инквизиции от 11 июля 1877 г. о запрете употребления русского языка на территории бывшей Речи Посполитой и практика его применения в Северо-Западном крае Российской империи виленским епископом К. Гриневицким и митрополитом Могилевским А. Гинтовтом.

В четвертом параграфе рассматриваются попытки виленского генерал-губернатора И. С. Каханова в 1884–1886 гг. придать новый импульс политике обрусения костела в Северо-Западном крае путем замены в дополнительном богослужении польского языка белорусским. Дается анализ правительственного

видения церковно-административных неудач и определения дальнейших перспектив продолжения этой политики. Характеризуются мотивы и особенности поведения конфликтующих сторон, позволяющие выяснить, почему реализация указа от 25 декабря 1869 г. привела к появлению новой протестной группы «упорствующих». Отмечается, что ответственность за нарушение фундаментального права католиков на «свободу веры и богослужений» несут как государство, так и Римско-католическая церковь. С одной стороны, административные решения, направленные против употребления польского языка в костелах, в которых ранее был принят государственный русский язык, создавали препятствия для удовлетворения религиозных потребностей прихожан. С другой стороны, католическая иерархия, выполняя незаконное в России распоряжение Римской курии, запрещала назначать ксендзов на вакантные приходы, в которых должен был употребляться русский язык. Сложилась тупиковая ситуация, вызванная неконструктивным поведением обеих сторон.

В пятом параграфе дается характеристика политических и канонических аспектов компромиссного решения правительства и Римской курии о латинском языке дополнительного богослужения, которое было утверждено Николаем II 3 апреля 1897 г. Раскрываются особенности осуществления на практике условий достигнутого компромисса и причины его нарушений со стороны римско-католического клира. Подводятся политические, правовые и конфессиональные итоги неудавшейся попытки «располячения» костела. Показаны мотивы, которые позволили правительству учесть религиозные интересы своих католических подданных в Минской губернии и восстановить действие «правил веротерпимости».

Глава 4 – *«Проблемы веротерпимости в учреждениях народного просвещения Виленского учебного округа»* состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе рассматриваются политические решения Виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева и действия попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова по реформированию системы народного просвещения с целью «прекращения польской пропаганды» и утверждения монополии русского языка и русской культуры в учебных заведениях Северо-Западного края. Отмечается, что деполонизация учреждений народного просвещения, произведенная в условиях военного положения, не коснулась права учеников-католиков на изучение Закона Божия, который должен был преподаваться ксендзами на государственном русском языке.

Во втором параграфе раскрываются особенности процесса перевода преподавания католического Закона Божия с польского языка на русский и подготовки необходимой для этого учебно-церковной литературы. Рассматриваются канонические и правовые аспекты религиозных конфликтов, возникших в учебных заведениях Ковенской губернии. Анализируются конфликты, вызванные монополией русского языка и неканоничной церковно-учебной литературы, которые использовались в школьных молитвах, административным принуждением учеников-католиков к участию в православных богослужениях и почитанию православных икон. Дается характеристика правовых инициатив, с которыми выступило правительство И. Л. Горемыкина в 1897 г. для восста-

новления принципов веротерпимости в учебных заведениях Виленского учебного округа.

В третьем параграфе рассматривается деятельность церковноприходских школ, их образовательные и воспитательные функции, а также особые задачи, выполняемые в местностях со смешанным православно-католическим населением. Обращается внимание на положение детей-католиков и практику воспитания у них русского этнического самосознания и терпимости к православию. Анализируется каноническая позиция виленского римско-католического епископа С. Зверовича, которая выразилась в издании в 1902 г. циркуляра, категорически воспрещавшего детям-католикам посещение православных учебных заведений. Показаны социальные последствия религиозного конфликта, возникшего в системе народного просвещения в результате епископского демарша.

В четвертом параграфе дается характеристика обстоятельств, которые обусловили появление тайных польских школ, создаваемых по инициативе католического клира и мирян для обучения детей польскому языку и молитвам. Показана эволюция отношения правительства к нелегальным польским школам. Анализируется процесс формирования представлений о тайном обучении как явлении, влиявшем на полонизацию белорусского населения и потому политически опасном для безопасности государства. Рассматриваются меры правительства по пресечению тайного обучения в губерниях Северо-Западного края в конце XIX – начале XX в. Раскрываются связи, существовавшие между деятельностью польских школ и проблемами веротерпимости, имевшими место в системе народного просвещения.

Глава 5 – *«Эволюция правовых и морально-психологических проблем веротерпимости накануне указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г.»* состоит из трех параграфов.

Параграф первый посвящен изучению политической и конфессиональной ситуации, сложившейся в Северо-Западном крае после издания указа от 10 июля 1896 г. Анализируются воззрения губернской администрации на исторический опыт и перспективы продолжения политики сдерживания католичества. Рассматриваются основные положения нового политического курса виленского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского в отношении местного католичества.

В параграфе втором уделяется внимание проблемам, с которыми столкнулась «миротворческая» деятельность П. Д. Святополк-Мирского во взаимоотношениях с православной иерархией и католическим клиром. Анализируется содержание конфликтов, которые возникали между генерал-губернатором и архиепископом Ювеналием (Половцевым) в связи со строительством католических храмов. Рассматриваются перемены в поведении римско-католического духовенства и мирян после издания манифеста от 26 февраля 1903 г., мотивы и факты нарушений административных распоряжений, установленных во второй половине 60-х гг. XIX в.

Параграф третий посвящен анализу перемен в поведении католического клира и администрации, вызванных изданием манифеста от 26 февраля 1903 г.,

в белорусских губерниях. Рассматривается реакция администрации на нежелание католических священнослужителей соблюдать административные запреты, вызванные чрезвычайными обстоятельствами восстания 1863 г. Подчеркивается, что содержание и динамика правонарушений свидетельствовали о нарастании религиозных ожиданий со стороны католического клира и мирян, рассчитывавших на позитивные изменения в правительственной политике и реформирование законодательства о веротерпимости.

Глава 6 – *«Идеология и цели указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости»* состоит из шести параграфов.

В параграфе первом рассматривается новый политический курс министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского, направленный на реформирование законодательства о веротерпимости. Анализируется содержание пункта 6 указа от 12 декабря 1904 г. и принципиальные задачи, которые предстояло решать Комитету министров в области разработки основных положений нового закона о веротерпимости.

В параграфе втором обращается внимание на содержательные аспекты предстоящей реформы религиозного законодательства. Показана зависимость, существовавшая между объемом привилегий, которыми обладало православие, и ограничениями, наложенными законом на деятельность «терпимых» конфессий и дискриминируемых общин старообрядцев и сектантов. Отмечается, что разработчики нового закона преследовали цель сохранить главные привилегии и «господствующее» положение Православной церкви в империи. Принципиальным новшеством законопроекта стал отказ от государственного принуждения религиозной совести в пользу православия. На практике это означало, что впервые в правовой традиции имперской веротерпимости утверждалось право на легальный выход из «господствующего» православия и присоединение к «терпимым» конфессиям.

Параграф третий посвящен изучению решений правительства по исполнению пункта 6 указа от 12 декабря 1904 г. в области упразднения административных ограничений, наложенных на деятельность Римско-католической церкви в Северо-Западном крае в связи с чрезвычайными обстоятельствами восстания 1863 г. Обращается внимание на перечень ведомственных решений, которые законодательно подлежали отмене. Административные ограничения, наложенные в 60-х гг. XIX в. на деятельность Римско-католической церкви, упразднялись либо на основании их неправомерности, либо в связи с отсутствием в них политической необходимости.

В параграфе четвертом анализируются существенные перемены, произошедшие в правительственном восприятии Римско-католической церкви. Разработчики законопроекта уже не рассматривали эту церковь как силу, политически опасную для целостности западных рубежей Российской империи. Они исходили из того, что к началу XX в. ведущая роль в польском национальном движении перешла к левым политическим партиям. Поэтому следовало отказаться от прежней политики сдерживания католичества с помощью административных ограничений и создать необходимые правовые условия для конструктивного сотрудничества церкви и государства. Модернизация законодательства

о веротерпимости должна была означать желание правительства осуществить деполитизацию отношений с католичеством, переведя их в последовательно правовое русло. Разработчики законопроекта рассчитывали на будущую законопослушность католического духовенства и в его отношениях с православием, игнорируя предупреждения К. П. Победоносцева о неизменно враждебной и фанатичной природе польского католицизма. Отмечается, что при работе над законопроектом правительство исходило из признания ценности религиозной свободы, способной «водворить на Руси заветы *истинной терпимости* в делах веры» (И. С. Бердников).

В параграфе пятом рассматриваются основные положения указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. Подчеркивается, что принципиальная новизна даруемого сверху правового акта заключалась в том, что православный монарх вносил изменения в ту часть законодательства о веротерпимости, которая целиком основывалась на каноническом праве Православной церкви. Российский самодержец, покровитель и защитник «господствующей» веры, венчаемый Церковью на царство, в пункте 1 и 2 указа *впервые* узаконил право на выход из православия, продемонстрировав тем самым политическую волю к модернизации действовавшего института веротерпимости. Пункт 13 указа устанавливал новые правила при постройке церковью всех «терпимых» христианских конфессий. Теперь разрешение на строительство и ремонт храмов давалось администрацией без учета мнения иерархии «господствующей» церкви. Пункт 14 указа разрешал преподавание «Закона Божия инославных христианских исповеданий... на природных языках учащихся». Введение новых религиозных свобод рассматривалось правительством в качестве инструмента укрепления традиционной религиозности и политической лояльности как среди духовенства и мирян «терпимых» конфессий, так и среди ранее дискриминируемых групп старообрядцев и сектантов. Власть рассчитывала на то, что издание указа станет фактором, способствующим укреплению гражданского согласия в обществе, которое исторически отличалось религиозным и этническим многообразием.

В параграфе шестом анализируются риски применения указа о веротерпимости на западных окраинах Российской империи в связи с тем, что правительство не испытывало серьезных опасений по поводу возможных негативных последствий применения нового закона в отношениях, которые сложились между католиками и православными. Рассматриваются пробелы, которые существовали в содержании указа о веротерпимости, что серьезно осложняло практику его будущего правоприменения. Отмечается, что издание нового закона принималось в ситуации правовой неопределенности, при наличии правовых пробелов в законодательстве, без четкого распределения бюрократических функций по его реализации между МВД и духовными управлениями инославных конфессий.

Глава 7 – «*Указ от 17 апреля 1905 г. и его интерпретация римско-католическим епископатом и духовенством Северо-Западного края и белорусских губерний*» состоит из шести параграфов.

Параграф первый посвящен анализу процессов канонического нормотворчества римско-католических епископов Северо-Западного края: ви-

ленского – Эдуарда фон Роппа и тельшевского – Мечислава Паллюлиона, которые привели к созданию автономных епархиальных процедур переходов из православия в католичество. К моменту издания указа не был разработан и утвержден общероссийский правовой механизм, регулирующий порядок переходов из православия в «инославные» конфессии. Поэтому канонические решения епископов, принятые оперативно, предоставили «упорствующим» долгожданную возможность воссоединиться с Римско-католической церковью. Обращается внимание на реакцию МВД, которую вызвало неправомерное каноническое истолкование указа виленским епископом Эдуардом фон Роппом.

В параграфе втором рассматриваются действия правительства по формированию общероссийской процедуры переходов из православия в «терпимые» конфессии. Анализируются основные положения циркуляра МВД от 18 августа 1905 г., который был призван закрыть правовой пробел, существовавший в указе о веротерпимости. Наличие этого пробела позволило католическому епископату взять инициативу исполнения указа в свои руки. Отмечается правомерный характер этого ведомственного акта. Циркуляром устанавливалась единая процедура регистрации переходов из православия в «терпимые» конфессии. Это позволяло администрации контролировать соблюдение требований указа о веротерпимости и поддерживать порядок ведения метрических записей при перемене конфессиональной принадлежности. Составной частью процедуры переходов из православия стало участие православного духовенства, которое должно было «увещать» желавших выйти из церкви сохранить ей верность. Обязательность таких «увещаний» была подтверждена указом Святейшего Синода Русской церкви от 14 декабря 1905 г.

В параграфе третьем уделяется внимание изучению практики церковно-государственного «двоевластия», которое установилось в организации переходов из православия в католичество в епархиях Северо-Западного края. Суть этого феномена заключалась в том, что в регионе действовали одновременно две процедуры переходов из православия: государственная, установленная циркуляром от 18 августа 1905 г., и церковная, установленная каноническими распоряжениями католического епископата. Рассматриваются мотивы и поведение конфликтующих сторон – католического клира и администрации, а также первые социально-правовые последствия установившегося «двоевластия».

В параграфе четвертом анализируется аргументация епископа фон Роппа, отстаивавшего свое каноническое право определять порядок переходов из православия без участия православного духовенства, которое было предусмотрено требованиями циркуляра МВД от 18 августа 1905 г. и указом Святейшего Синода. Рассматриваются меры, предпринятые администрацией края и МВД по преодолению действующего «двоевластия». Обращается внимание на правовой аспект этого регионального церковно-государственного конфликта. Отмечается воздействие польского этнического фактора и революционных потрясений 1905 г. на позицию и религиозно-политическую деятельность епископа фон Роппа.

Параграф пятый посвящен церковно-государственным проблемам, возникшим в результате попыток администрации применить циркуляр от 18 августа 1895 г. в белорусских губерниях, входивших в состав Могилевской римско-

католической архиепископии. Рассматриваются процедура присоединения православных к Католической церкви, утвержденная церковным циркуляром митрополита Георгия Шембека, и практические действия по его реализации, которые предпринимал прелат С. Денисевич. Обращается внимание на действия П. А. Столыпина, местной администрации и православного духовенства по упразднению сложившегося в регионе «двоевластия» и принуждению католического клира к исполнению циркуляра от 18 августа. Анализируются попытки римско-католического митрополита В. Ключинского восстановить «двоевластие» и решить государственно-правовую проблему «заведомо православных» католиков с помощью церковных распоряжений.

В параграфе шестом рассматриваются проблемы установления государственного порядка регистрации переходов из православия в католичество, установленного циркуляром от 18 августа 1905 г., в губерниях Северо-Западного края. Дана характеристика действиям, которые были предприняты управляющим Виленской епархией прелатом К. Михалькевичем по преодолению социально-правовых последствий упраздненного «двоевластия». Анализируется ситуация противостояния, возникшая между епископом тельшевским М. Паллюлионом и администрацией в связи с уклонением епископа от исполнения государственных требований к порядку присоединения православных к католичеству. Обращается внимание на решение П. А. Столыпина об установлении судебной ответственности для ксендзов, нарушавших правила переходов из православия, предусмотренные циркуляром от 18 августа 1905 г. Характеризуются социально-правовые итоги канонических интерпретаций положений указа о веротерпимости, предпринятых по инициативе католической иерархии Северо-Западного края.

Глава 8 – *«Метаморфозы веротерпимости и религиозные традиции местного католицизма»* состоит из четырех параграфов.

Параграф первый посвящен изучению практики восприятия указа о веротерпимости католическим клиром и мирянами Северо-Западного края. Рассматриваются особенности и причины начавшегося религиозного движения по выходу «упорствующих» из православия. Обращается внимание на меры правительства и местной администрации по установлению контроля над этим движением, которое выходило за рамки веротерпимости, установленной законом. Аккумулированные протестные настроения «упорствующих» и «колеблющихся», получившие узаконенный указом выход, не вылились в длительный процесс постепенного перехода из православия в католичество десятков тысяч людей. Предлагаемый законом процесс «отпадения» из православия принял не предусмотренные правительством стихийные «низовые» формы, инициативу появления которых и способы регуляции взяло на себя католическое духовенство.

В параграфе втором анализируются правовые возможности, которыми располагала администрация для противодействия католической пропаганде, распространяемой среди «упорствующих» и православного населения. Обращается внимание на восстановление властных полномочий католического епископата, осуществленное в результате издания указа о веротерпимости. Рас-

считаются попытки виленского генерал-губернатора А. А. Фрезе привлечь епископа фон Роппа к совместному противодействию превратному истолкованию указа от 17 апреля 1905 г. частью католического духовенства и мирян. Обращается внимание на факты религиозной и этнической нетерпимости, которую проявляли католики в отношении православных, и меры, предпринимаемые администрацией и судебными органами для расследования правонарушений и наказания виновных.

В параграфе третьем характеризуются особенности восприятия указа о веротерпимости католическим клиром и мирянами белорусских губерний, отмечаются факты разжигания религиозно-этнической розни и политизации проповеди, произносимой ксендзами в костелах. Рассматривается реакция администрации и православного духовенства на процесс выхода «упорствующих» из «господствующей» церкви, анализируются пропагандистские приемы и методы обращения православных в католичество, применяемые ксендзами. Обращается внимание на распространенные случаи принуждения религиозной союзи православных, особенно в смешанных браках с католиками.

В параграфе четвертом анализируется содержание и специфика противоправных и предосудительных пропагандистских приемов, которыми пользовались католические священники и миряне для привлечения православных в католичество. Рассматривается деятельность православного духовенства по противодействию «низовой» католической пропаганде, отмечается нетерпимость, которую проявляло по отношению друг к другу духовенство соперничавших христианских церквей.

Глава 9 – *«Проблемы возвращения церковной собственности, строительство и ремонт костелов в новых правовых условиях»* состоит из трех параграфов.

Параграф первый посвящен изучению конфликтов, вызванных попытками католического населения Северо-Западного края и белорусских губерний вернуть часть церковной собственности – костелы, часовни и монастыри, конфискованные государством после польского восстания 1863 г. Дается краткий очерк истории конфискации католических церковных зданий с принадлежавшим им недвижимым имуществом. Указываются причины, политические и религиозные, которые послужили основанием для осуществления конфискаций. Отчужденные здания и собственность передавались либо в ведомство православного исповедания, либо в собственность государства. Рассматриваются попытки радикально настроенной части католического населения вернуть конфискованные церковные здания с помощью силы. Для пресечения этих попыток местная администрация использовала воинские подразделения. Обращается внимание на указ о веротерпимости, который вводил новые правила регулирования храмового строительства для инославных конфессий.

В параграфе втором анализируется практика легального возвращения Римско-католической церкви части утраченной ею собственности. Рассматривается деятельность правительства по разработке и применению правил, регулировавших порядок возвращения конфискованных церковных зданий и недвижимости. Показаны ограниченные возможности, которые предоставляли новые правила от 23 апреля 1908 г. для удовлетворения церковных нужд като-

лического населения. Причиной этого являлись конфессиональные интересы и канонические правила «господствующей» церкви, которые не позволяли возвращать здания, освященные по православному обряду. Отмечаются продолжающиеся попытки возвращения бывших костельных зданий неправовыми и насильственными средствами.

В параграфе третьем обращается внимание на успешное использование католиками новых правовых возможностей для расширенного костельного строительства, которые были предоставлены пунктом 13 указа о веротерпимости. Рассматриваются меры, предпринимаемые МВД и местной администрацией по адаптации положений указа о веротерпимости к специфическим условиям регионального костельного строительства. С этой целью были изданы административные распоряжения, установившие приоритет государственного подхода к толкованию пункта 13 указа от 17 апреля 1905 г. над попытками его канонической интерпретации. Указанные меры были предприняты для того, чтобы воспрепятствовать постройке новых костелов в случаях, когда католиками преследовались миссионерские цели или возникала угроза налоговым поступлениям в казну. Рассматриваются протестные действия местного католического епископата и Римской курии, направленные на устранение административного надзора за строительством костелов.

Глава 10 – *«Природный» язык указа от 17 апреля 1905 г. в контексте проблем образования и этнической политики* состоит из семи параграфов.

В параграфе первом рассматривается попытка установления государственно-церковного «двоевластия» в системе народного просвещения. Речь шла об определении «природного» языка учащихся-белорусов, на котором они, согласно статье 14 указа от 17 апреля 1905 г., должны были изучать католический Закон Божий. В указе о веротерпимости содержались пробелы, которые предопределили появление новых проблем веротерпимости в народной школе. Религиозно-правовой аспект конфликта между главами римско-католических епархий и администрацией Виленского учебного округа заключался в столкновении различных интерпретаций п. 14 указа о веротерпимости. Виленский епископ фон Ропп и управляющий Могилевской римско-католической архиепархией прелат С. Денисевич настаивали на том, что для белорусов-католиков «природным» языком обучения Закону должен быть польский. Для этого у них были весомые канонические аргументы, так как монополия польского языка была утверждена конгрегацией инквизиции 11 июля 1877 г. Администрация округа исходила из светской, правомерной интерпретации указа, настаивая на том, что для белорусов-католиков языком обучения Закону Божию должен быть русский или белорусский.

В параграфе втором анализируются попытки применения администрацией учебного округа временных правил Министерства народного просвещения от 22 февраля 1906 г., которые должны были утвердить приоритет государственного толкования термина «природный» язык учащихся над его канонической интерпретацией. Изданием административных «Правил» правительство запоздало пыталось закрыть пробел в указе о веротерпимости, который свое временно был использован католическим епископатом. Рассматривается деятельность епископа фон Роппа по разработке альтернативного проекта началь-

ного образования для католиков и организации бойкота государственных школ в связи с отказом администрации признать польский язык «природным» для учащихся-белорусов. Возникший конфликт вокруг языка преподавания привел к появлению «двоевластия» как нового источника проблем веротерпимости в народных училищах Виленского учебного округа.

В параграфе третьем рассматривается новая попытка правительства ввести русский язык в дополнительное католическое богослужение. На этот раз были учтены нарушения принципов веротерпимости, ошибки во внутренней и внешней политике, допущенные прежде при «располячении» костела. Были запрошены мнения губернаторов белорусских губерний, изучено отношение к этому вопросу генерал-губернаторов Северо-Западного края и департамента духовных дел МВД. Продолжение политики «располячения» костела в новых политических и правовых условиях по-прежнему рассматривалось как средство борьбы с полонизацией белорусов-католиков. В связи с этим анализируется декрет о введении русского языка в дополнительное католическое богослужение, принятый Римской курией 13 октября 1906 г. Согласно этому каноническому акту решение конгрегации инквизиции от 11 июля 1877 г. сохраняло свою силу для белорусов и малороссов на территории бывшей Речи Посполитой. Действие нового папского декрета распространялось только на великороссов в случае принятия ими католичества. Отмечается принципиальное расхождение, возникшее между правительством П. А. Столыпина и Римской курией по этому вопросу. Решение, принятое в Ватикане, придавало конфликту в Северо-Западном крае перманентный характер. Папское подтверждение монополии польского языка в дополнительном богослужении заставляло местный католический клир трактовать п. 14 указа о веротерпимости с канонической точки зрения и утверждать, что под «природным» языком учащихся - белорусов и малороссов следует понимать язык польский.

В параграфе четвертом раскрыты политические, правовые и конфессионально-этнические аспекты решения правительства об увольнении епископа фон Роппа с Виленской кафедры. Анализируется политическая и церковная деятельность этого епископа. Дается критическая оценка результативности принятых им решений в области реализации указа о веротерпимости и регуляции межэтнических отношений в костелах подведомственной ему епархии. Обращается внимание на позицию Римской курии относительно действий фон Роппа, которая совпадала, в основном, с мнением российского правительства.

В параграфе пятом рассматриваются конфликтные ситуации, вызванные продолжающимися столкновениями между администрацией и римско-католическим духовенством по поводу определения «природного» языка учащихся – белорусов. Раскрыты методы, с помощью которых католический клир и миряне отстаивали польский язык обучения Закону Божию в государственной школе. С этой целью родители учеников-белорусов нередко использовали несовершенные с точки зрения административного контроля правила МНП от 22 февраля 1906 г., чтобы заявить о своей польской идентичности. Родители требовали, чтобы их дети, будучи поляками, обучались Закону Божию на «природном» польском языке. Поэтому Министерство народного просвещения уже-

сточило требования к точному соблюдению статьи 14 указа о веротерпимости. Новые правила, определявшие строгий порядок определения этнической идентичности учеников и их родителей, изданные 27 октября 1912 г., вызвали новую волну бойкота школ со стороны католического клира и мирян. Во многих школах преподавание католического Закона Божия практически прекратилось, что свидетельствовало о серьезных трудностях, которые встретило применение на практике вышеупомянутой статьи указа от 17 апреля 1905 г. Правительство так и не смогло упразднить «двоевластие» и утвердить единый государственный порядок определения «природного» языка учащихся-католиков. Отмечаются проявления церковной солидарности, которую демонстрировала Римская курия с протестующими католиками Северо-Западного края.

Параграф шестой дает представление о причинах восстановления тайного обучения польскому языку и молитвам в среде католического белорусского населения после издания указа о веротерпимости. Указывается на жесткую зависимость, которая существовала между сохранявшейся монополией на использование польского языка в дополнительном католическом богослужении, бойкотом государственных школ и появлением тайного польского обучения. Рассматриваются меры правительства и местной администрации по борьбе с тайным обучением, которое воспринималось как средство полонизации белорусского католического населения. Для самих же католиков-белорусов необходимость обязательного знания молитв на польском языке диктовалась сохранявшейся монополией польского языка в дополнительном богослужении. Продолжающееся преподавание Закона Божия на государственном русском языке, который был признан администрацией в качестве «природного» для белорусов-католиков, не позволяло легально изучать язык польский, религиозно важный для верующих. Тайное польское обучение стало попыткой решения актуальной проблемы веротерпимости «снизу», с помощью нелегальных средств.

В параграфе седьмом анализируется конфликт, возникший между правительством и католической иерархией в связи с организацией религиозного воспитания и обучения детей и взрослых вне разрешенных правительством учебных заведений. В сентябре 1911 г. МВД запретило религиозное обучение в частных помещениях и потребовало от католического клира точных данных о том, что катехизация, совершаемая при костелах, не является тайным польским обучением. Католический епископат Северо-Западного края охарактеризовал действия МВД как неправомерное «стеснение в области религии», которое противоречило принципам веротерпимости. Протестные действия епископата получили поддержку Папы Римского Пия X. Однако сведения, собранные полицией, свидетельствовали о том, что обучение катехизису нередко сопровождалось пропагандой польского национализма. Поэтому МВД, продолжая политический курс П. А. Столыпина в отношении католичества Северо-Западного края, сохранило административный надзор за проведением катехизации.

Глава 11 – ***«Практика применения законов от 26 декабря 1905 г. о Римско-католической церкви и проблемы религиозной нетерпимости»*** состоит из пяти параграфов.

Параграф первый посвящен рассмотрению новых законов о положении

Римско-католической церкви в России и практики их применения в Северо-Западном крае. Речь идет, в частности, о правовой регламентации крестных ходов и паломничеств, устраиваемых католическим клиром и мирянами. Действовавшие с 1866 г. административные ограничения на эти внешние проявления католического культа были отменены указом от 12 декабря 1904 г. Отмечается, что новый закон от 26 декабря 1905 г. легализовал проведение крестных ходов, однако практика его правоприменения осложнялась рядом препятствий. С одной стороны, это были провокации, устраиваемые левыми экстремистами против христианского населения, с другой, делались попытки придать католическим шествиям характер польских национальных манифестаций. В связи с последними обстоятельствами губернаторы вынуждены были установить административный контроль за применением этого закона в Северо-Западном крае.

В параграфе втором рассматривается практика правоприменения закона от 26 декабря 1905 г. о постановке крестов и священных изображений. Анализируются религиозные конфликты, которые возникали между православными и католиками из-за постановки крестов. Так, попытка католиков местечка Ивенец Минской губернии поставить католический крест на площади перед православным храмом закончилась кровопролитным столкновением с полицией. Один человек был убит. Отмечается, что кресты как священные объекты поклонения христиан использовались не только для религиозного поклонения, но в некоторых случаях выступали как средство межконфессиональной борьбы и этноконфессиональной маркировки территории.

В параграфе третьем анализируются перемены, которые произошли во взаимоотношениях между католиками и православными после издания указа о веротерпимости и законов от 26 декабря 1905 г. В результате модернизации, произведенной в сфере религиозного права, *вертикальные* формы принуждения религиозной совести со стороны государства были практически упразднены. Область религиозных конфликтов и принуждения совести сместилась на *горизонтальный* уровень – в приходы и смешанные семьи. В связи с этим рассматриваются различные проявления религиозного насилия и нетерпимости, исходящие в основном от католической стороны. Обращается внимание на нетерпимость части духовенства «господствующей» Церкви, которое выступало с резкой критикой католичества. Выказывалось недовольство и указом о веротерпимости, который, по мнению некоторых священников и мирян, привел к обострению отношений между католиками и православными. Показано негативное отношение православного духовенства к попыткам законодательного расширения религиозной свободы, которые были предприняты в III Государственной думе.

В параграфе четвертом рассматривается практика переходов из православия в католичество на основании указа о веротерпимости и требований циркуляра МВД от 18 августа 1905 г. Анализируются мотивы, которые способствовали добровольному отпадению от «господствующей» церкви, – материальные, статусные, меркантильные. Особое внимание уделяется случаям принудительного религиозного выбора. Как правило, факты насилия над религиозной совестью православных были характерны для смешанных браков, в которых один

из супругов исповедовал католичество. В основе религиозного принуждения лежали канонические нормы Римско-католической церкви, которые требовали конфессионального единства в семье. Показаны действия православного духовенства и правоохранительных органов по защите православных в смешанных семьях, где их религиозная совесть подвергалась насилию со стороны одного из супругов. Рассматривается конфликт, возникший между правительством и Римской курией по поводу действия в России папской энциклики «*Ne temere*», не признававшей каноническую законность смешанных браков. Это была попытка установить примат канонического права о смешанных браках над российским законом, утверждавшим их легальность с обязательным условием, чтобы дети, рожденные в таких семьях, принадлежали к Православной церкви. Отмечается, что негативное отношение к смешанным бракам испытывало и местное православное духовенство, так как указ о веротерпимости позволял православному супругу перейти в католичество. Данным обстоятельством пользовались католические священники, которые по требованию канонов силой своей духовной власти понуждали католиков привлечь православного супруга в лоно Римско-католической церкви.

В параграфе пятом дается представление о нарушениях норм веротерпимости, характерных для римско-католического духовенства. Анализируются характер и мотивы правонарушений, связанных с организацией бойкота государственных школ прихожанами костелов, пропагандой среди них религиозной нетерпимости и русофобии, распространением идей польского национализма. Показаны меры судебного преследования ксендзов, обвиненных в указанных правонарушениях, а также практика применения закона от 26 декабря, когда по распоряжению министра внутренних дел католической иерархии предписывалось наказывать ксендзов, виновность которых была доказана администрацией. Отмечается точка зрения П. А. Столыпина на «обязанности веротерпимости», которые в новых правовых условиях по-прежнему сохраняли свою силу для римско-католического духовенства.

В заключении подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы основные выводы, представленные в следующих положениях.

Польское восстание, вспыхнувшее на территории Северо-Западного края в 1863 г., оказало решающее воздействие на глубокие перемены, произошедшие в конфессиональной политике, в положении обеих церквей и в методах государственной регламентации конфессиональной жизни местного католичества. Реакцией правительства на превращение части католического клира и мирян этого региона в политического врага империи стала политизация государственно-церковных отношений, направленная на обеспечение безопасности ее западных границ. Политика вытеснения и сдерживания местного католичества, осуществляемая в форме присоединений католиков к православию, административных запретов и ограничений, носила амбивалентный характер. Меры, предпринятые администрацией в связи с чрезвычайными обстоятельствами восстания, привели к появлению региональных проблем веротерпимости, оказывавших долговременное воздействие на состояние государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений.

Эти проблемы, накопившиеся в Северо-Западном крае, потребовали от правительства поиска компромиссных решений, способных внести определенные коррективы в проводившуюся политику сдерживания католичества. Начатый правительством Николая II частичный демонтаж системы административных ограничений, наложенных на деятельность Римско-католической церкви в 1860-х гг., позволил разрешить ряд проблем региональной веротерпимости в рамках действовавшего религиозного законодательства.

Однако этого оказалось недостаточно. Протестные действия, последовавшие после издания Манифеста от 26 февраля 1903 г., показали, что часть католического духовенства и мирян Северо-Западного края испытывала недовольство действовавшими правилами административной и правовой регламентации церковной жизни. Виленский генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский, ставший впоследствии министром внутренних дел, предложил императору Николаю II программу реформ, способных решить накопившиеся религиозные и этнические проблемы католического населения и его духовенства.

Выбор, сделанный правительством в пользу модернизации традиционного института веротерпимости, нашел свое выражение в форме указов от 12 декабря 1904 г. и 17 апреля 1905 г. Издание указа о веротерпимости стало правовым выражением политической воли правительства деполитизировать отношения с Римско-католической церковью и подчинить их нормам модернизированного религиозного права. Однако указ от 17 апреля 1905 г. и последовавшие за ним законы от 26 декабря 1905 г. не принесли ожидаемого правительством умиротворения во взаимоотношениях с католичеством. Возникли новые проблемы и противоречия, заложенные в церковно-государственных, межконфессиональных и межэтнических отношениях, сложившихся на территории Северо-Западного края.

К моменту издания указа не были разработаны и утверждены общегосударственные механизмы его правоприменения. Существование правовых пробелов в законодательстве поставило правительство и местные государственные органы в трудное положение. Католическая иерархия, воспользовавшись указанными пробелами, первой взяла на себя роль самостоятельного субъекта в применении нового закона на практике. Реакция администрации на действия иерархии носила запаздывающий характер. Тем самым были созданы условия для установления церковно-государственного «двоевластия», ставшего источником многих региональных конфликтов. Ошибки правительства, допустившего правовые пробелы в указе от 17 апреля 1905 г., привели к появлению новых проблем веротерпимости. Возникшая необходимость в создании единых государственных процедур правоприменения нового закона потребовала от МВД длительной нормотворческой деятельности, результаты которой вызвали решительные протесты римско-католического епископата и Римской курии.

Правительство не смогло правильно оценить социально-религиозные риски правоприменения указа, связанные с уровнем правосознания католического клира и остротой проблем веротерпимости, которые накопились в Северо-Западном крае за четыре десятилетия. Поэтому реакция на указ со стороны католического клира и мирян оказалась неожиданной и для правительства, и

для православного духовенства. Возникли конфликты, ставшие результатом церковно-государственного «двоевластия», установленного в области правоприменения отдельных положений указа о веротерпимости. Начались попытки силового возвращения костельной собственности, находившейся в ведении Православной церкви. Развернулась нелегальная пропагандистская кампания по привлечению православных в католичество, связанная с фальсифицированными толкованиями указа, разжиганием межконфессиональной и межэтнической розни. Особое беспокойство МВД вызывали процессы формирования польской идентичности католиков-белорусов, в которых ведущую роль играл костел. Революционные события на западных окраинах России, временно расшатавшие государственный порядок и общественную дисциплину, оказывали влияние на поведение иерархии, духовных и светских членов Римско-католической церкви.

Проявления нетерпимости были характерны для представителей обеих христианских церквей, действовавших на территории Северо-Западного края. Поэтому ответной реакцией православного духовенства и его иерархии стала организация антикатолической пропаганды, приемы и содержание которой вызывали протесты католического клира и мирян. Администрация с целью утверждения правопорядка в межконфессиональных отношениях проводила судебные и административные преследования духовных и светских лиц, обвиняемых в порицании православия и нарушении привилегий Православной церкви.

Стремление католического духовенства Северо-Западного края выйти за рамки модернизированного законодательства о веротерпимости вынудило правительство вернуться к политизации отношений с местным католичеством. Новая политика сдерживания католичества имела свои отличительные особенности. Она не носила характера чрезвычайных мер и преследовала цели адаптации новых законов к конфессиональным и этническим условиям региона. На практике эта политика приняла форму ведомственного нормотворчества МВД и администрации Северо-Западного края. С помощью правомерных административных распоряжений министерство пыталось решить следующие задачи: во-первых, закрыть существовавшие пробелы в области применения указа о веротерпимости. Во-вторых, принудить католическое духовенство к законопослушности, утверждая приоритет государственных законов и интересов Православной церкви над каноническим правом, конфессиональными и этническими интересами церкви Римско-католической.

Возвращение к политике сдерживания католичества, начатое П. А. Столыпиным и продолженное А. А. Макаровым и Н. А. Маклаковым, вызвало протесты у местного епископата и Римской курии. Давление, оказываемое Римской курией на правительство, не принесло практических результатов, так как позицию, занятую МВД, поддержал Николай II. Вместе с тем правительство учитывало политические дивиденды, которые принесла Российскому государству модернизация института веротерпимости. В своих действиях МВД по-прежнему исходило из представлений, что успешное развитие процессов интеграции западных окраин с имперским центром будет зависеть от прочности и устойчивости конфессиональной политики, основанной на принципах указа от 17 апреля 1905 г.

III. АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные результаты исследовательской работы соискателя были апробированы на 19 международных и 7 всероссийских и республиканских конференциях, которые проходили в Москве, Санкт-Петербурге, Владимире, Самаре и Минске, получив положительную оценку со стороны российских и белорусских специалистов. Результаты исследования, изложенные в монографии «Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.)», использовались автором при разработке и чтении спецкурсов «Проблемы веротерпимости в Российской империи в XIX – начале XX в.» и «Проблемы расколов в Русской церкви» в Институте теологии Белорусского государственного университета.

Монографии присуждена вторая Макариевская премия 2013 года по номинации «История Православной церкви»

Научно-исследовательская работа автора была поддержана белорусской государственной программой фундаментальных исследований (ГПФИ) «История и культура» на 2006–2010 гг. Тема НИР «Конфессиональная политика Российской империи в белорусско-литовских губерниях (вторая половина XIX – начало XX в.)».

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

Монография

1. Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Мн., 2010. 439 с. (39,5 п. л.).

2. Шевченко К.В. Рец. на кн.: А.Ю. Бендин Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) // Русский Сборник: исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йванович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XI. М., 2012. С. 482–490.; Шабациук А. (Люблин, Польша): Рец. на кн.: А. Ю. Бендин Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). [Электронный ресурс] // Беларускі гістарычны агляд. 2012. Т. 19. Сш. 1–2. – Режим доступа: <http://www.belhistory.eu/bendin-aleksandr-yu-problemy-veroterpimosti-v-severo-zapadnom-krae-rossijskoj-imperii-1863-1914/>

Статьи в ведущих научных журналах, включенных в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

1. Бендин А. Ю. Эволюция понятия веротерпимости и Указ 17 апреля 1905 г. // Исторические записки / Отд-ние ист. – филол. наук РАН. Вып. 9 (127) / отв. ред. Б. В. Ананьич. М., 2006. С.113–136 (1, 5 п. л.).

2. Бендин А. Ю. Конфессионально-этнические проблемы и аккумуляция проблем веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2007. № 3. С. 91–103 (0,6 п. л.).

3. Бендин А. Ю. Религиозно-этнические проблемы интерпретации указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. в Северо-Западном крае Российской империи // Исторические записки / Отд-ние ист.- филол. наук РАН. Вып.11 (129) / сост. и отв. ред. Б. В. Ананьич. М., 2008. С. 218–258 (2,3 п. л.).

4. Бендин А. Ю. Феномен «упорствующих» как проблема веротерпимости в Северо-Западном крае // Славяноведение. 2008. № 4. С. 3–17 (0,7 п. л.).

5. Бендин А. Ю. Настало католикам время отмстить православным ...»: Парадоксы применения указа 17 апреля 1905 г. «О веротерпимости» на территории Северо-Западного края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2009. № 2. С. 95–110 (0,8 п. л.).

6. Бендин А. Ю. Указ о веротерпимости и его реализация в Северо-Западном крае Российской империи (1905 г.) // Вестник РГГУ. Серия: Исторические науки. История России. 2009. № 17. С. 44–58 (0,7 п. л.).

7. Бендин А. Ю. Рец. на кн.: А. А. Сафонов. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX века. Тамбов: Издательство Р. В. Першина, 2007. 367 с. // Российская история. 2009. № 4. С. 188–190 (0,3 п. л.).

8. Бендин А. Ю. Свобода совести или веротерпимость? Полемика в российской печати (начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2010. № 2. (24). С. 78–92 (0,7 п. л.).

9. Бендин А. Ю. Польский мятеж 1863 г. в судьбах старообрядцев Северо-Западного края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 1. С. 77–92 (1,2 п. л.).

10. Бендин А. Ю. Модернизация религиозного законодательства и проявления религиозно-этнической нетерпимости в Северо-Западном крае Российской империи в начале XX в. // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 2. С. 304–314 (0,5 п. л.).

11. Бендин А. Ю. К вопросу о формировании этнической идентичности белорусов в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 2. С. 170–185 (1,1 п. л.).

12. Бендин А. Ю. Католицизм – друг или враг? Межведомственный спор в российском правительстве (1905–1914 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2012. № 1. С. 42–58 (0,9 п. л.).

13. Бендин А. Ю. Конфессиональная политика в Северо-Западном крае Российской империи: 1863–1914 гг. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2012. № 3. С. 3–20 (0,8 п. л.).

Статьи в ведущих научных журналах, включенных в перечень ВАК Республики Беларусь

1. Бендин А. Ю. Образ Виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева в современной белорусской историографии // Беларуская думка. 2008. № 6. С. 42–46 (0,4 п. л.).

Статьи в научных сборниках и журналах

1. Бендин А. Ю. Религиозная толерантность в Российской империи как этнообразующий и консолидирующий фактор (вторая половина XIX – начало XX вв.)

// Кафоликия: сб. научных статей / под ред. А. В. Данилова. Мн., 2003. С. 96–108 (1 п. л.).

2. *Бендин А. Ю.* Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Минские епархиальные ведомости. 2003. № 4. (67) С. 52–57 (0,5 п. л.); 2004. № 1. (68) С. 50–55 (0,5 п. л.).

3. *Бендин А. Ю.* Владимир Соловьёв о проблемах веротерпимости в Российской империи // Россия и вселенская Церковь: В. С. Соловьёв и проблемы религиозного и культурного единения человечества / ред. Вл. Порус. Серия: Религиозные мыслители. М., 2004. С. 58–71 (0,7 п. л.).

4. *Бендин А. Ю.* С.Н. Булгаков о взаимоотношениях Церкви и государства в России (1902–1918 гг.) // Русское богословие в европейском контексте: Булгаков и западная религиозно-философская мысль. / ред. Вл. Порус. Серия: Религиозные мыслители. М., 2005. С. 105–116 (0,6 п. л.).

5. *Бендин А. Ю.* Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX – начала XX в. в современной историографии // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. Мн., 2006. С. 8–35 (2,5 п. л.).

6. *Бендин А. Ю.* Граф М.Н. Муравьёв Виленский и национальное пробуждение белорусского народа в 60-е гг. XIX в. // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А.Ю. Бендин. Мн., 2006. С. 53–77 (2,3 п. л.).

7. *Бендин А. Ю.* Указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и его последствия для религиозной ситуации на белорусских землях // Минские епархиальные ведомости. 2006. № 1. (76) С. 64–70 (0,5 п. л.).

8. *Бендин А. Ю.* Религиозно-этнические проблемы Северо-Западного края в контексте процесса интеграции. (1863–1914 гг.) // Проблемы отечественной истории: Источники, историография, исследования. Сб. науч. ст. / редкол.; М.Н. Барышников, А.В. Голубев и др. /отв. ред. М.В. Друзин. СПб., 2008. С. 353–369.

9. *Бендин А. Ю.* Старообрядцы Северо-Западного края и власть: особенности взаимоотношений (1905–1906 гг.) // Сборник: Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 13. М., 2009. С. 123–128 (0,5 п. л.).

10. *Бендин А. Ю.* Указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости и проблемы конфессионально-этнической интеграции (на материалах Северо-Западного края Российской империи) // Империи и империализм нового и новейшего времени: сб. статей. СПбГУ., 2009. С. 356–359 (0,2 п. л.).

11. *Бендин А. Ю.* Религиозно-этнические проблемы и противоречия на территории Северо-Западного края Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. Вып. 1. 2009. № 12. С. 51–64 (0,7 п. л.).

12. *Бендин А. Ю.* Религиозно-этнические противоречия и конфликты на территории Северо-Западного края Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.): истоки и проявления // Русский сборник: Исследования по истории России. / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. VIII. М., 2010. С. 59–94 (2,2 п. л.).

13. *Бендин А. Ю.* Генезис российской веротерпимости // Свеча-2011. Толерантность: проблемы, дискуссии и возможности концептуализации: сб. статей. Владимир, 2011. С. 37–49 (0,6 п. л.).

14. *Бендин А. Ю.* Российская империя и Католическая церковь: борьба за этническую идентичность белорусов Северо-Западного края (1863–1914 гг.) //

Русский сборник. Исследования по истории России. / ред-сост: О. Айрапетов, М. Йованович, М. Колеров, Б. Меннинг, П. Чейсти. Том X. М., 2011. С. 7–66 (3,1 п. л.).

15. *Бендин А. Ю.* Испытание свободой: указ о веротерпимости и борьба за паству между православием и католичеством в Северо-Западном крае Российской империи // Русский сборник: Исследования по истории России. / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XII. М., 2012. С. 178–209 (1,4 п. л.).

16. *Бендин А. Ю.* Образы российской монархии, формируемые христианскими конфессиями Северо-Западного края во второй половине XIX – начале XX в. // Новая экономика. 2012. № 2 (60) С. 247–255 (0,5 п.л.).

Тезисы и доклады на научных конференциях

1. *Бендин А. Ю.* Вероисповедная система Российской империи (конец XIX – начало XX в.) // VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры. Минск, 22–24 мая 2001 г. Материалы чтений. Ч. 1, кн. 1. / отв. ред. А. Ю. Бендин. Мн., 2002. С.153–171 (1,2 п. л.).

2. *Бендин А. Ю.* Православная Церковь и проблемы формирования русского национального самосознания // VIII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры. Минск, 23–26 мая 2002 г. Материалы чтений. В 2 ч. Ч.1. / отв. ред. А. Ю. Бендин. Мн., 2003. С.163–186 (2,2 п. л.).

3. *Бендин А. Ю.* Православная Церковь и проблемы формирования русского национального самосознания: особенности белорусского опыта (конец XIX – начало XX в.) // Россия и Беларусь: от века XIX к веку XXI: сборник материалов республиканских научных чтений, посвящённых памяти профессора И.В. Оржеховского., Брест, 27 мая 2003 г. БрГУ, 2004. С.124–134 (0,7 п. л.).

4. *Бендин А. Ю.* Имперская веротерпимость и религиозно-национальный подъём татарского народа (вторая половина XIX – начало XX в.) // Тюркские народы в истории Беларуси: Мат-лы IX науч.-практ. конф., 2–3 сентября 2003 г. Ч.1. Мн., 2004. С. 50–61 (0,6 п. л.).

5. *Бендин А. Ю.* Религиозные права личности в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.) // Свеча – 2005. Истоки: Религия и личность в прошлом и настоящем: Мат-лы межд. конф., / ред. Е.И. Аринин. ВлГУ. Т.13. 2005. С. 65–67 (0,2 п. л.).

6. *Бендин А. Ю.* Указ 17 апреля 1905 г. и его последствия для религиозной ситуации на белорусских землях // Свято-Михайловские чтения. Минск, 10–12 ноября 2005 г. Доклады и тезисы. Ч. II. Мн., 2005. С. 46–55 (0,5 п. л.).

7. *Бендин А. Ю.* О содержании понятия веротерпимости накануне указа 17 апреля 1905 г. // XI Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры. Минск, 24–26 мая 2005 г. Материалы чтений. / отв. ред. А. Ю. Бендин. Мн., 2006. С.79–108 (2,1 п. л.).

8. *Бендин А. Ю.* Эволюция проблем веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (конец XVIII – начало XX в.) // XII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвящённые Дням славянской письменности и культуры. Минск, 24–26 мая 2006 г. Материалы чтений. / отв. ред. А. Ю. Бендин. Мн., 2007. С.128–142 (0,7 п. л.).

9. *Бендин А. Ю.* Указ о веротерпимости 17 апреля 1905 г. и его последствия для православно-католических отношений в Северо-Западном крае // *Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография: Мат-лы Всерос. науч. конф., 6–7 декабря 2006 г. СПб., 2007. С. 475–482 (0,5 п. л.).*

10. *Бендин А. Ю.* Генезис проблем веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1904 гг.) // *Материалы XIII Международных Кирилло-Мефодиевских чтений, посвященных Дням славянской письменности и культуры. Минск, 24–26 мая 2007 г. / отв. ред. А. Ю. Бендин. Мн., 2008. С. 197–207 (0,6 п. л.).*

11. *Бендин А. Ю.* Конфликт церковной и светской бюрократии в интерпретации указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости и его социальные последствия (на материалах Северо-Западного края) // *Бюрократия и бюрократы в России в XIX и XX веках: общее и особенное: Мат-лы XII Всерос. науч.-теоретич. конф., РУДН, 29–30 мая 2008 г. М.: РУДН. С. 66–73 (0,5 п. л.).*

12. *Бендин А. Ю.* Указ о веротерпимости 17 апреля 1905 г. и религиозно-этнические конфликты в Северо-Западном крае Российской империи // *Роль конфессий в развитии межнациональных отношений: Россия – Балканы – Поволжье: Труды межд. науч. конф., 11–13 сентября 2008 г. 2008. Самара, С. 285–292 (0,4 п. л.).*

13. *Бендин А. Ю.* Модернизационный потенциал указа 17 апреля 1905 г. и риски применения его на территории Северо-Западного края // *Россия и революция 1917 г.: опыт истории и теории: Мат-лы Всерос. науч. конф., 12–13 ноября 2007 г. СПб., 2008. С. 229–237 (0,6 п. л.).*

14. *Бендин А. Ю.* Интеграционные и религиозно-этнические проблемы школьной политики в Северо-Западном крае Российской империи (конец XIX – начало XX вв.) // *Государство и развитие образования в России XVIII–XX в.: политика, институты, личности: Мат-лы XIII Всерос. науч.-теоретич. конф., РУДН, 14–15 мая 2009 г. М.: РУДН, 2009. С. 362–368 (0,4 п. л.).*

15. *Бендин А. Ю.* Православно-католические отношения на территории Северо-Западного края Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) // *XIV Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. Минск, 22–24 мая 2008 г. Материалы чтений. / отв. ред. А. Ю. Бендин. Мн., 2009. С. 260–307 (0,8 п. л.).*

16. *Бендин А. Ю.* Практика применения российского указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости в Царстве Польском // *Сотрудничество и связи России и СССР с народами зарубежных стран XX вв.: Мат-лы XIV Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию РУДН, 20–21 мая 2010 г. М.: РУДН, 2010. С. 18–25 (0,4 п. л.).*

17. *Бендин А. Ю.* Проблема русификации Северо-Западного края (вторая половина XIX – начало XX вв.) в современной белорусской историографии. // *Россия и русистика новейшего времени: труды международной конференции памяти А. А. Фурсенко (1927–2008) 4–5 июля 2009 г. / редкол: Р. Ш. Ганелин, А. Ю. Дворниченко, В. Н. Плешков и др. СПб.: СПбГУ. 2010. С. 112–125. (0,5 п. л.).*

18. *Бендин А. Ю.* Между свободой и традицией: проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи // *Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: Мат-лы III межд. науч. конф., Владимир.: ВлГУ, 2011. С. 97–108 (0,5 п. л.).*

19. *Бендин А. Ю.* Спор о судьбах религиозной реформы в России (начало XX в.) // *Реформы и реформаторы в истории России: к 150-летию великих реформ: Мат-лы XVI Всерос. науч.-теоретич. конф., РУДН, 17–18 мая 2012 г. М.: РУДН. 2012. С. 67–75 (0,4 п. л.).*